

**СРАЖЕНИЕ ЗА БУДУЩЕЕ
СТУДЕНТА ШАЛАМОВА**
*(опыт биографического очерка по
документальным и художественным текстам)*

Варлам Шаламов осознавал свою биографию как составленную из нескольких жизней. Одной из них стал первый московский период в жизни будущего автора «Колымских рассказов» – 1924 – 1929 гг. Он отмечен литературными поисками и учебой в Московском Университете на факультете советского права. Материалы дела из Архива МГУ являются самым ранним на сегодняшний момент документальным свидетельством общественной деятельности Шаламова, связанной с распространением так называемого «завещания Ленина». Уникальными в этом собрании документов являются два доноса, написанные сокурсниками Шаламова, с целью разоблачить его нерабочее происхождение (Шаламов был сыном священника). Анализ и сопоставление документов дела и произведений самого Шаламова позволяют раскрыть методы Шаламовской «новой прозы».

Ключевые слова: Варлам Шаламов, «новая проза», «левая оппозиция», МГУ, 1920-е годы.

Об авторе: Агишев Сергей Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. agisjev@mail.ru.

---

*...бюрократическая отписка или романтическая мечта.
В этих двух понятиях очень много общего, и когда-нибудь
историки, литературоведы, философы это поймут.
Варлам Шаламов*

I

«19 февраля 1929 года я был арестован. Этот день и час я считаю началом своей общественной жизни – первым истинным испытанием в жестких условиях. После сражения с Мережковским в ранней моей юности, после увлечения историей русского освободительного движения, после кипящего Московского университе-

та 1927 года, кипящей Москвы – мне надлежало испытать свои истинные душевные качества¹. Часто цитируемый фрагмент из «Вишерь», написанной более чем тридцать лет спустя после тех событий, о которых рассказывается в антиромане, внутренне противоречив. Пребывание в Бутырской тюрьме стало началом долгого опыта заключенного сталинских лагерей, описанного Шаламовым-писателем. Однако общественная деятельность, жизнь Шаламова-гражданина началась раньше указанной им самой даты.

Первый московский период, 1924 – 1928 гг., отличается определенной самостоятельностью, составляет одну из нескольких его жизней², став предисловием к бутырскому и вишерскому прологу колымской эпопеи. Но если Москва будет появляться и в других жизнях «викинга колымского ада»³, то тема «Шаламов и Университет» – спорная, если вообще существующая. Судьба Шаламова не была связана с Университетом в том смысле, как это обычно понимают люди, служащие своей alma mater. Он не стал ни ученым-юристом⁴, ни

---

¹ Шаламов В.Т. 2013. Т. 4. 151. Здесь и далее при цитировании сохраняются оригинальная орфография, синтаксис и пунктуация – С.А.

² О своем переезде в Москву и поступлении в Московский Университет В. Т. Шаламов упомянет в своей автобиографии, составленной им в 1964 г. и озаглавленной «Моя жизнь – несколько моих жизней» (Там же. 314).

³ Так назвала В.Т. Шаламова И.П. Сиротинская (1932 – 2011 гг.) в своих воспоминаниях: «Дверь передо мной распахнул настежь высокий ярко-голубоглазый человек с глубокими морщинами на обветренном лице. Викинг! (В книжности В.Т. меня упрекал, но “викингом” ему быть нравилось, даже в стихах это вошло)» (*Сиротинская И.П.* М. 2006. 8) и в интервью, которое она дала корреспонденту газеты «Московский комсомолец» В. Копыловой (*Копылова В.* Викинг колымского ада // *Московский комсомолец.* 18. 06. 2007. № 24492).

⁴ Хотя его незаконченное юридическое образование откликнется ему в 1938 г. сфабрикованным «делом юристов»:

преподавателем, ни сотрудником Университета: связь будущего классика русской литературы и первого вуза России была слишком коротка, чтобы взаимоотношения между ними стали взаимопроникающими. Шаламов был студентом факультета советского права 1-го МГУ⁵ всего лишь полтора года – с августа-сентября 1926 по февраль 1928 г.⁶ Но этот недолгий период стал временем

– Я, собственно, не юрист, но учился в Московском университете на юридическом во второй половине двадцатых годов.

– Значит, юрист (курсив мой – *С.А.*). Вот и отлично. Сейчас ты сиди, я позвоню кое-куда, и мы с тобой поедем (*Шаламов В.Т.* 1913. Т. 1. 190). См. также: *Шаламов В.Т.* Галина Павловна Зыбалова (Перчатка, или КР-2) // Там же. Т. 2. 314-315.

⁵ Это название Московский Университет носил в 1918 – 1930 гг. Двадцать шестого августа 1919 г. в Москве был образован один государственный университет, объединивший в себе бывший императорский Университет (1-й МГУ), Московские высшие женские курсы (2-й МГУ) и бывший университет имени А. Л. Шанявского (3-й МГУ).

⁶ Выявленных и опубликованных воспоминаний студентов Университета 1920-х гг. не так много, что заставляет со вниманием и со всей строгостью относиться к любым вновь обнаруженным свидетельствам о том времени. В связи с этим особо следует отметить записки некоего Ивана Михайловича Павлова, который так же, как и В.Т. Шаламов, обучался в 1925 – 1928 гг. на факультете советского права. Они были случайно обнаружены профессором Д. Керансом в Гуверовском архиве Стэнфордского университета (шифр – НА MS DK 268/P 328 A 3) и опубликованы в России (*Павлов И.М.* СПб. 2001). Описание как атмосферы, царившей в Москве и в Университете, так и характеристики событий и исторических деятелей того времени у И.М. Павлова и В.Т. Шаламова, весьма схожи. Однако проблема подлинности как записок, хранящихся в так называемой «Папке Павлова», неизвестно как попавшей в Гуверовский архив в 1950 г., так и других воспоминаний, имеющихся в фондах, сохраняется (Там же. 4-5). Отчет в этом себе отдает и директор издательства «Iskra Research» Ф. Крайзелъ в краткой характеристике, предпослан-

социализации молодого и одаренного вологжанина, временем, когда он выбрал свою гражданскую стезю.

Московский Университет не выдал Шаламову путевку в жизнь. Но атмосфера и настроения Москвы 1920-х гг., передавшиеся в полной мере и Университету, который традиционно был домом для многих поколений русской молодежи из разных уголков страны, тоже влияли на будущего автора «Колымских рассказов». Исключительное место и роль Университета, которое он занимал тогда в образовании, науке и общественной жизни страны, делало его одновременно и слепком настоящего, и литейной формой будущего.

К моменту появления Шаламова в Университете эта форма находилась не в лучшем состоянии. Асинхронным бывает развитие не только целых цивилизаций, но и отдельных групп внутри одного социума особенно на переломном этапе его истории. Такими были и взаимоотношения нарождавшегося советского общества и полученной им в наследство университетской корпорации. Без сомнения, Московский Университет был одним из самых демократических сообществ тогдашней России. Сейчас, когда он постепенно превращается в оплот консерватизма (конечно, под знаменем фундаментальности) с элементами клерикализма, это начинает забываться. Но лишний раз вспомнить о научных и гражданских традициях Университета и о его роли в русском общественном движении необходимо. События внутри него были откликом на проблемы, которые переносила в университетские стены сама история. И дело не только в том, что изменений в уклад жизни преподавателей и студентов добавил судьбоносный для всей страны 1917 г., а в том, что новые вызовы соединились с нерешенными вопросами, которые принесла с собой в Университет еще Первая русская революция.

ной им в предисловии к изданию «Записок Павлова» (Там же. б).

События 1905 – 1907 гг. стали этапными для Московского Университета. Студенты в своем большинстве горячо поддержали революцию и активно участвовали в ней. Начало нового 1905/1906 учебного года было ознаменовано принятием двух важнейших документов, ставших очередными вехами в борьбе между университетскими свободами и охранительными акциями властей. Во-первых, 27 августа 1905 г. появились «Временные правила по управлению университетами». Они преодолевали положения охранительного университетского устава 1884 г.: восстанавливали выборность ректоров и деканов, наделяли самостоятельностью университетские Советы. Упразднялась университетская инспекция, разрешался прием в университеты выпускников семинарий, реальных и коммерческих училищ, зачисление женщин в качестве вольнослушательниц. Был восстановлен университетский суд⁷. Причиной появления либерального университетского законодательства стали массовые студенческие и преподавательские волнения, захлестнувшие вузы с началом революции, общероссийские студенческие забастовки, несколько закрытых из-за студенческих выступлений учебных заведений⁸. Активная общественная позиция студентов и большей части преподавателей заставляла правительство проводить дальнейшую либерализацию курса в области начального и среднего обра-

---

⁷ Временные правила об управлении высшими учебными заведениями ведомства Министерства народного просвещения. 1908. 658-659. См. также: *Гревс И.* 1905. С. 2933. *Иванов А.Е.* 1971. 121-122; *Аврус А.И.* 2001. Гл. 4 (данное издание не имеет пагинации; текст в нем разделен на главы и пункты, на которые здесь и приводятся ссылки); *Красножен Н.А.* 2007. Анализ исследований, посвященных участию студентов и преподавателей Университета в общественной жизни в конце XIX в. вплоть до 1917 г., см.: *Маркин В.Л.* 2009.

⁸ В связи с революционными событиями в Москве, в которых студенты принимали самое активное участие, занятия во всех вузах были прекращены, начиная с 17 января 1905 г., и возобновились только осенью 1906 г.

зования, что затрагивало, в том числе и проблемы просвещения национальных меньшинств.

Открытое наступление реакции на университетские вольности началось 1 января 1908 г. с назначением на пост министра народного просвещения А.Н. Шварца (1848 – 1915 гг.)⁹. Последний выступал за деполитизацию средней и высшей школы, против создания молодежных организаций как революционной и либеральной, так и монархической направленности. Он считал, что университетский диплом не должен давать особых прав для занятия должностей на государственной службе, так как задачей высших учебных заведений, по его мнению, должна была стать подготовка ученых, а не облегчение карьеры для выпускников. Эта позиция была поддержана частью преподавателей и студентов, которых стали называть «академистами»¹⁰. Шварц был сторонником строгого соблюдения действовавших ограничительных законов, в том числе касавшихся возможности получения высшего образования женщинами, «процентной нормы» для лиц иудейского вероисповедования и др. Министр не был популярен среди педагогической общественности и перестал пользоваться доверием премьера П.А. Столыпина (1862 – 1911 гг.), выдвинувшего Шварца на высокий пост, а затем отправившего его в отставку.

---

⁹ Министр народного просвещения с 1 (14) января 1908 по 25 сентября (8 октября) 1910 г. См. также: Отечественные университеты в динамике золотого века русской культуры / Под ред. Е. В. Олесенюка. СПб., 2005. Гл. 5.2 (URL: www.lexed.ru/pravo/theory/olesek2006/?52.html; 22. 01. 2014).

¹⁰ Появившееся в Петербурге и принявшее институциональные формы, это движение самораспустилось в начале 1911 г., но его идейные последователи имелись во всех вузах, в том числе и в Московском Университете. См.: *Омельяничук И.В.* Партии академического порядка // П. А. Столыпин. Энциклопедия (URL: http://www.stolypin.ru/proekty-fonda/entsiklopediya-petr-arkadevich-stolypin/?ELEMENT_ID=345; 22. 01. 2014).

Дальнейшее «закручивание гаек» ознаменовалось для Университета знаменитым «делом Кассо». В январе 1911 г. новый министр народного просвещения, Л.А. Кассо (1865 – 1914 гг.)¹¹, подписал циркуляры, которые фактически уничтожали недавно восстановленную университетскую автономию. Как результат 27–28 января в Университете прошли массовые студенческие сходки¹². Студенты были лишены права проводить собрания¹³ и находиться в учебных аудиториях дольше положенного для проведения занятий времени¹⁴, а университетскому правлению отводилось место надзорного и даже репрессивного органа. Тогдашнее руководство Университета не отделяло себя от остальной части корпорации. В докладе ректора А.А. Мануйлова (1861 – 1929 гг.) от 28 января, где излагалась университетская точка зрения на политику правительства и выводы, согласно которым администрация не может рассматриваться в качестве помощника полиции, было продемонстрировано открытое несогласие с правительством по вопросу вмешательства властей в университетскую жизнь. Не считая возможным, чтобы правление Университета превращалось в придаток охраны, ректор подал прошение об отставке¹⁵, которая была принята мини-

---

¹¹ Управляющий министерством народного просвещения с 25 сентября (8 октября) 1910 г., министр – со 2 (15) февраля 1911 по 26 ноября (9 декабря) 1914 г. См.: *Фёдорова Н.А.* Кассо, Лев Аристидович // П. А. Столыпин. Энциклопедия (URL: http://www.stolypin.ru/proekty-fonda/entsiklopediya-petr-arkadevich-stolypin/?ELEMENT_ID=289; 22. 01. 2014).

¹² ЦИАМ. Ф. 418. Журнал заседаний Совета Московского Университета от 28 января 1911 г.

¹³ ОСДИМУ за 1911 год. М., 1912. 19-20.

¹⁴ О максимальном сроке пребывания студентов императорских университетов на факультете // ЖМНП. 1911. Ч. 34. С. 43-44.

¹⁵ ОСДИМУ за 1911 год. С. 20.

стром 1 февраля¹⁶. Университетский совет признал справедливость заключений, сделанных Мануйловым, и согласился с тем, что те задачи, которые возлагались на него правительством, не соответствовали целям, которые он ставил перед собой. Третье февраля 1911 г. стало днем исхода из Университета двадцати одного ведущего профессора и более ста тридцати преподавателей¹⁷.

Несмотря на противостояние с министерством Университет стремился вести с ним диалог и защитить исключенных студентов¹⁸, а также совместно рассматривал проект нового Университетского устава¹⁹. Однако глубина конфликта была столь значительной, что ситуация сдвинулась с мертвой точки лишь в преддверие Февральской революции. Московские студенты по-прежнему активно отзывались на репрессивные действия правительства. Ректор Университета в 1911 – 1917 гг., М.К. Любавский, в своем угодливом свидетельстве отмечал среди московского студенчества следующие настроения: «Волнения, происходившие в последнее время в высших учебных заведениях (имеются в виду Коммерческий и Сельскохозяйственный институты, Высшие женские курсы), в конце концов, перекинулись и в университет... Сначала были выкинуты лозунги: “Долой войну!”, “Долой самодержавие!”... Когда же эти лозунги не нашли себе большого сочувствия, стали агитировать за учинение протеста против осуждения трамвайных служащих и расчета рабочих Путиловского завода. ...Какие-то подпольные силы во чтобы то ни

---

¹⁶ ЦИАМ. Ф. 418. Журнал заседаний Совета Московского Университета от 1 февраля 1911 г.

¹⁷ ОСДИМУ за 1911 год. С. 20-21; ГАРФ. Ф. 102, оп. 103, ед. хр. 42, ч. 5, лит. «А», л. 45; *Сперанский Н.* 1911; *Вернадский В.И.* 1912. С. 335-336; *Назарьева О.Е.* 2009.

¹⁸ ОСДИМУ за 1911 год. С. 20.

¹⁹ ОСДИМУ за 1915 год. М., 1916. С. 221.

стало хотят поднять учащуюся молодежь, прибегая ко всяческой агитации»²⁰.

Ю.В. Романов, проанализировав периодику января-апреля 1917 г., в своем докладе показал, какая обстановка сложилась в Московском Университете перед приходом к власти большевиков²¹. При всей неэтичности поступка профессора А.Э. Вормса (1868 – 1939 гг.), покинувшего Университет в связи с «делом Кассо» в ряду других преподавателей и вернувшегося по просьбе нового министра народного просвещения графа П.Н. Игнатъева (1870 – 1945 гг.)²², нарушив тем самым джентльменское соглашение в отношении своих принципиальных коллег, нельзя не признать справедливой точку зрения, которая высказывалась меньшинством: университетская наука находилась под угрозой, и застывшая научная жизнь нуждалась в возрождении. Кроме того, уже застарелый к тому времени конфликт требовал своего разрешения: единственным выходом было вернуть Университету его автономию, на что царское правительство не решилось на протяжении всех шести лет противостояния.

События февраля-марта 1917 г. принесли собой поворот в отношении сложившейся проблемы. Мануйлов, возглавивший министерство народного просвещения России в первом составе Временного правительства²³, санкционировал ревизию университетской жизни: увольнение назначенного, а не избранного, ректора и профессоров, возвращение ушедших в 1911 г. преподавателей, выборы нового ректора Московского Универ-

---

²⁰ А. Я. Дегтярев, А. В. Сидоров (ред.). 2005. 173-174.

²¹ Романов Ю.В. Наука и власть: наследие Л. А. Кассо // Труды научной конференции студентов и аспирантов «Ломоносов-99». История. М., 1999. 76-80.

²² Министр народного просвещения с 9 (22) января 1915 по 27 декабря 1916 (9 января) 1917 г.

²³ Министр народного просвещения со 2 (15) марта по 4 (17) июня 1917 г.

ситета. Им стал М.А. Мензбир (1855 – 1935 гг.)²⁴, поддержавший Мануйлова в противостоянии с Кассо²⁵. В итоге в апреле 1917 г. Университет восстановил свою самостоятельность, еще более демократизировавшись уже на фоне новых событий. Тем самым, к моменту провозглашения в России Советской власти Университет вернул свои свободы. При этом радикализация в кругах студенчества усугублялась: в аудиториях непрерывно шли митинги, так называемая «студенческая милиция» раздавала оружие и объявила себя независимой от Правления университета²⁶. Корпорация была не готова к насаждению порядков, которые бы пересматривали результаты достигнутой победы. Одной из текущих задач, стоявших по-прежнему весьма остро, – используя полученные в борьбе с царским министерством завоевания, нормализовать учебный и научный процесс, чего требовали и сами студенты, например, физико-математического факультета²⁷.

Революция сказалась и на внутренней жизни Университета, где в июле 1917 г. обсуждались вопросы демократизации замещения должностей и управления. Министерство народного просвещения провело совещание по вопросам высшей школы с участием представителей Совета Университета. На основе выработанных предложений Временное правительство издало постановление об участии приват-доцентов и ассистентов в собраниях факультетов и заседаниях Совета, об участии студентов в комиссиях по распределению стипендий и пособий, освобождению от платы и др.²⁸. Эта и другие проблемы, порожденные новой образовательной и кад-

---

²⁴ Ректоры Московского университета (Биографический словарь) / Сост. В.В. Ремарчук. 1996. 147-151.

²⁵ Романов Ю.В. 1999. 76-80.

²⁶ УЗ МГУ. М., 1940. Вып. 51. С. 54.

²⁷ Там же.

²⁸ ОСДМУ за 1917, 1918, 1919 год. М., 1920. С. 5.

ровой политикой в вузах со всей очевидностью беспокоили Университет в дальнейшем²⁹.

Результаты первых шагов большевистского правительства в области высшего образования следует признать в целом разрушительными. В отношении Московского Университета декреты и постановления ВЦИК усугубляли те негативные последствия, от которых Университет еще не избавился со времени «дела Кассо». В соответствии с Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 9 (22) ноября 1917 г. «Об учреждении Государственной комиссии по просвещению» общее руководство народным просвещением поручалось этому органу в лице народного комиссара³⁰. Все функции, прежде выполнявшиеся министром народного просвещения и его товарищами, также возлагались на Комиссию по народному образованию. Тем самым, новая власть взяла курс на бюрократический контроль над университетской жизнью, в чем следует видеть фактическое восстановление курса царского правительства.

Другим последствием периода 1911 – 1916 гг. было «распыление кадров». Ситуация усугубилась различным отношением прежнего студенчества и преподавателей Московского Университета к событиям Октября 1917 г., а вместе с тем и к новым студентам, которые должны были пополнить и даже заменить прежних учащихся. Последним, с точки зрения Советской власти, следовало покинуть советские вузы в виду своего непролетарского происхождения³¹. Не меньшие опасения вы-

---

²⁹ Аврус А.И. 2007. Гл. 5.

³⁰ Декреты Советской власти. 1957. Т. 1. С. 59-62.

³¹ «Совет Народных Комиссаров 2 августа сего года постановил: Поручить Народному комиссариату по просвещению подготовить немедленно ряд постановлений и шагов для того, чтобы в случае, если число желающих поступить в высшие учебные заведения превысит обычное число вакансий, были приняты самые экстренные меры, обеспечивающие возможность учиться для всех желающих, и никаких не только юри-

зывал санкционированный большевиками приток наставников, в большинстве своем не отличавшихся научной подготовкой, а призванных в Университет с тем, чтобы насаждать среди студентов и молодых преподавателей новую идеологию. Нужно отметить, что «красная профессура» отличалась не только низкой профессиональной подготовкой в той или иной области знаний³², но и в марксизме разбиралась не лучшим образом.

Положение, в котором оказались студенты и преподаватели, их настроения, а также ситуация, сложившаяся к 1922 г. в университетской науке, вполне здраво, с наблюдательностью и болью за свою alma mater описано одним из ведущих ученых того времени, деканом физико-математического факультета (в 1921 – 1922 гг.), корпорация которого особенно ратовала за восстановление нормальной научной и учебной жизни в Университете, В.В. Стратоновым (1869 – 1938 гг.). В его воспоминаниях о тех годах призраки прошлого, встречаясь с призраками будущего, в новом обличье вновь встают

дических, но и фактических привилегий для имущих классов не могло быть. На первое место безусловно должны быть приняты лица из среды пролетариата и беднейшего крестьянства, которым будут предоставлены в широком размере стипендии» (Постановление СНК РСФСР о преимущественном приеме в высшие учебные заведения представителей пролетариата и беднейшего крестьянства от 2 августа 1918 года // Декреты Советской власти. 1964. Т. III. С. 137-138).

До 2 августа 1918 г. в Университет на 2350 мест было подано 2632 заявления от выпускников школ; после этой даты количество заявлений возросло до 5832, преимущественно от лиц не имевших законченного среднего образования (Бутягин А.С., Салтанов Ю.А. 1957. 133).

³² «...была влита крупная доза “красной профессуры” из состава коммунистической партии, объявившей вдруг некоторых из своих видных членов... профессорами Московского университета. Как правило, аудитории этих профессоров представляли аравийскую пустыню (Стратонов В.В. 1992. 413). См. также: Козлова Л.А. 1997. 209-220.

перед глазами: «Московский университет был лишен автономии в 1920 г. Но он еще оставался очагом свободной мысли и чистой науки. Он оставался также и рассадником общечеловеческой, а главное – внеклассовой культуры»³³. Однако СНК уже запустил процесс «большевизации» Университета³⁴. Стало очевидным, что высшая школа по-прежнему нуждается в защите: как и в 1908-м, в 1920-м выборное Правление Университета было заменено назначенцами³⁵.

Открытый разгром Университета начался в 1921 г. Первую атаку на *alma mater* изнутри повели представители бывшего историко-филологического факультета – гуманитарии оказались менее стойкими, чем математики, хотя в деле борьбы за обновление университетской жизни в большевистском духе не было равных медикам. Воплощением идейного оппортунизма среди гуманитариев стал профессор А.В. Кубицкий (1880 – 1937 гг.), своим переходом в стан сторонников Наркомпроса снискавший себе неуважение как коллег, так и студентов. Последние даже позволяли себе явно оскорбительные выражения в его адрес³⁶. Возглавил советский крестовый поход на Университет знаменитый М.Н. Покровский (1868 – 1932 гг.). «Юридический факультет был сокрушен первым»³⁷. Эти факты весьма

---

³³ Стратонов В.В. 1992. 410.

³⁴ См. также: Аврус А.И. 2007. Гл. 6.1.

³⁵ Стратонов В.В. 2007. 411. См. также: Хоменко Е.В. 2006.

³⁶ Стратонов В.В. 2007. 412.

³⁷ Постановлением НКП РСФСР от 12 февраля 1918 г. были упразднены юридические факультеты российских университетов, «ввиду совершенной устарелости учебных планов... полного несоответствия этих планов требованиям научной методологии». Срок ликвидации был продлен до 15 марта 1919 г. Кафедры политической экономии, статистики, финансового права, международного права, русского государственного права временно, до организации факультета общественных наук (ФОН), переводились в ведение историко-филологических факультетов, а профессоры считались вы-

примечательны. Именно с факультетов, ставших в 1-м МГУ наследниками прежних студенческих корпораций историков, филологов и юристов, выйдут наиболее яркие (помимо физиков и математиков) и деятельные оппозиционеры конца 1920-х гг., противостоявшие сталинщине и ставшие ее жертвами.

Новым инородным телом внутри Университета стал рабфак (торжественно открыт в 1-м МГУ 5 октября 1919 г.)³⁸. Непривычное и явно неуниверситетское поведение рабфаковцев, выражавшееся, в частности, в произвольном захвате лучших аудиторий, дополнялось их низкой подготовкой по изучаемым дисциплинам, а также неоправданным и нездоровым карьеризмом. Неприглядности этой картине добавляло еще и то, что студенты-коммунисты были развращены партийными привилегиями³⁹.

Обучение не признает привилегированных классов, каким почувствовали себя, по выражению Страто-

---

бывшими из состава юридического факультета (ЦМAM. Ф. 1609, оп. 1, ед. хр. 154); *Стратонов В.В.* 2007. 413.

³⁸ Декрет СНК РСФСР о рабочих факультетах. 17 сентября 1920 года // СУ РСФСР. 1920. № 80. Ст. 381; Главой рабфака в Московском Университете стал М. Н. Покровский. По этой причине новую структурную единицу в обиходе называли просто Покровским рабфаком.

³⁹ *Стратонов В.В.* 2007. 419. Сходную характеристику студентам-рабфаковцам и их взаимоотношениям со старым студенчеством дает в своих записках И.М. Павлов. Если верить его запискам, он сам был выпускником рабфака Кубанского педагогического института, обучаясь там в 1922 – 1925 гг. И.М. Павлов отмечает, что «всякий отстающий в учебе, по требованию большинства слушателей академической группы, беспощадно исключался (*Павлов И.М.* 2001. 30). Автор «Записок» отмечает стремление рабочей и партийной молодежи овладевать знаниями, но при этом подчеркивает, что именно «рабфак являлся прочной опорой советской власти», а его партийные студенты играли заметную роль в различных организациях, комиссиях и т. п. (Там же. 29-31).

нова, «новые хозяева Университета». Столкновение было тем более явным, что прежнее московское студенчество, подавляющая часть которого состояла из потомков разночинской интеллигенции, еще не сошло со сцены и по-прежнему представляло собой лучшую, наиболее образованную и демократическую часть российского общества⁴⁰. Но если для «пролетарских студентов» обучение в вузе чаще всего было лишь средством, то для ставших чуждыми новой власти прежних студентов оно всегда оставалось главной целью⁴¹. В нарождающемся советском социуме их отличали «невероятные лишения и жажда знания»⁴². Подобная характеристика вполне соответствует стремлениям и облику Шаламова, оказавшемуся в Москве несколько позже, в 1924 г., хотя к разночинцам он относился лишь отчасти. Однако для всех без исключения учащихся лишения были связаны с тем, что прежние общежития Университета были захвачены для обустройства в них все возраставших в числе советских бюрократических учреждений. Студент, выселенный из своего дома, или вновь пришедший в него был вынужден работать, чтобы снимать себе угол, или жить по знакомым и родственникам – картина до боли знакомая сегодня и выдаваемая за нормальную. По свидетельству Стратонова, осень 1922 г. добавила испытаний, выпавших на долю «бывших», став отправной точкой распада прежнего студенчества, которое «разметали в Соловки, в Архангельский район, в Сибирь...»⁴³.

Реакция новых vis-à-vis старого Университета на требования, предъявляемые к уровню подготовки, ска-

---

⁴⁰ Петрова Т.Э. 1999. 120-125.

⁴¹ Ср. описание внешнего облика пролетарских студентов, а также их идейное противостояние с прежним студенчеством и старой университетской профессурой, которое весьма схоже с тем, что отмечает в своих воспоминаниях В. В. Стратонов (Павлов И.М. 2001. 52-53).

⁴² Стратонов В.В. 2007. 417.

⁴³ Там же.

залась через полгода. Иллюзии быстро разрушались, и уже к началу 1922 г. наметился массовый исход «рабочей» молодежи из Университета, куда она попадала безо всяких испытаний, отмененных еще в 1918 г.⁴⁴ Тяготы Гражданской войны, голод, отсутствие зримых перспектив привели к наводнению Москвы выходцами из провинции, любыми путями добивавшимися лучшей участи. Они рассматривали новые советские учреждения, а также Университет, как средство спасения и, как сейчас модно выражаться, в качестве «социального лифта».

Нужно отдать должное старой профессуре и прежним педагогическим кадрам: предвзятого отношения к новым студентам не было. Напротив, при Университете были открыты подготовительные курсы⁴⁵, кото-

---

⁴⁴ Декрет о правилах приема в высшее учебное заведение РСФСР // Декреты Советской власти. Т. III. С. 141.

В связи с этим 10 ноября 1918 г. были отменены дипломы и свидетельства, дающие права или преимущества при поступлении в вузы. Студенты получили право сдавать испытания в любое время по взаимному соглашению с профессором и получать соответствующее удостоверение как от экзаменатора, так и от вуза независимо от года поступления и времени пребывания в вузе. Основанием стало Постановление НКП «Об отмене государственных экзаменов и об изменении порядка производства всякого рода испытаний студентов в высших учебных заведениях» (СУ РСФСР. 1917–1918. № 84. Ст. 885).

⁴⁵ «Первой ласточкой» введенных позднее новшеств стало выступление П.К. Штернберга 20 мая 1918 г. на заседании Государственной комиссии по просвещению с докладом о проекте реформы высшей школы. Он предлагал разделить Университет на два отделения – научное (оно предназначалось для выпуска научных кадров) и практическое (призванное готовить работников народного хозяйства и государственного аппарата). В докладе также содержалась мысль о создании курсов для рабочих с целью подготовки их к поступлению в Университет (Московский университет за 50 лет Советской власти / Под ред. *И.Г. Петровского*. 1967. 31). В январе 1919 г. были организованы курсы довузовской

рые подтягивали выходцев из Единой трудовой школы⁴⁶ к приемлемому уровню подготовки, который бы позволил им заниматься уже на студенческой скамье⁴⁷. Шаламов также стал выпускником подобных этим курсов, правда, не университетских, а организованных педагогами старых классических гимназий (см. ниже). Еще неразложившаяся среда, из которой выходили прежние

подготовки (Ректоры Московского университета (Биографический словарь. С. 153–154). Преподавали там преимущественно молодые университетские профессора. Длительность обучения на них в зависимости от предварительной подготовки составляла 1–2 года. На курсы сразу записалось около 1500 человек. Обучение было бесплатным, учащиеся получали стипендию. Всего в Москве было открыто 45 таких курсов (Из истории Московского университета, 1917 – 1941 гг. 1955.153; Московский университет 1755 – 1930. Юбилейный сборник. Издание Парижского и Пражского Комитетов по ознаменованию 175-летия Московского университета. 1930. 203). Затем уже, согласно «Постановлению НКП РСФСР об организации рабочих факультетов» от 11 сентября 1919 г., – подготовительные курсы для рабочих (Об организации рабочих факультетов при университетах: постановление Народного Комиссариата просвещения от 11 сентября 1919 года // Хрестоматия по истории советской школы и педагогики: учебное пособие / Ред. [А. Н. Алексеев](#), [Н. П. Щербов](#). 1972. 90-92). Своим решением от 12 июля 1920 г. Правление 1-го МГУ организовало при Университете (наряду с рабочим факультетом) общеобразовательные курсы, которые открылись осенью 1920 г. (ЦМАМ. Ф. 1609, оп. 1, ед. хр. 344).

⁴⁶ Единая трудовая школа (ЕТШ) – название общеобразовательной школы в РСФСР и СССР в 1918–1934 гг. Делилась на начальную школу (школа первой ступени) и среднюю школу (школа второй ступени). См.: Основные принципы единой трудовой школы. От Государственной комиссии по просвещению. 16 октября 1918 г. // Народное образование в СССР. Сборник документов. 1917–1973 гг. М., 1974. С. 133; Декрет ВЦИК РСФСР от 16 октября 1918 года об единой трудовой школе РСФСР (Положение) // СУ РСФСР. 1917–1918. № 74. Ст. 812.

⁴⁷ *Стратонов В.В.* 2007. 420.

студенты, одинаково реагировала на свершившиеся изменения независимо от того, был ли ее представителем декан факультета или сын вологодского священника, сходным образом относившиеся к внутреннему облику «пролетарских» студентов.

Другой проблемой для Университета стала дезорганизация учебного процесса. Еще 8 июля 1918 г. в НКП прошло Всероссийское совещание представителей высших учебных заведений, обсудившее проект реформы высшей школы. В подготовке проекта участвовали профессор П.К. Штернберг и М.А. Рейснер. В качестве высшего управляющего органа Университета предлагался Народный совет, в состав которого, как и прежде, входили бы профессора, студенчество, но также представители НКП и других советских организаций. Создание Народного совета преследовало цель ликвидировать корпоративную замкнутость университета. Для этого сам Народный совет не должен был представлять единого органа, а подразделялся на ассоциации – научную, учебную и просветительную. Проект был призван открыть двери Университета для широких масс, но большинство участников совещания отнеслись к нему отрицательно. Ректор Мензбир по-прежнему отстаивал идею автономии Университета, за которую велась столь упорная борьба еще при царском режиме. Столкновение двух мнений первоначально не разрешило и второе совещание, начавшее свою работу 4 сентября 1918 г. А 20 января 1919 г. при НКП постановлением коллегии отдела высших учебных заведений был создан Государственный Ученый Совет (ГУС), в обязанности которого, в частности, входило рассмотрение и переработка учебных планов вузов. Этому должны были способствовать предметные комиссии, которые решали вопросы о количестве дисциплин, методике их преподавания, их содержательной части⁴⁸. Вмешательство молодых неопытных

---

⁴⁸ «В июле же (1922 г. – С.А.) утверждается новое положение о высших учебных заведениях. В основу академической жиз-

преподавателей и красной профессуры, в большинстве своем откровенно невежественной и проводившей прежде всего партийную линию, превратило предметные комиссии в «безвольные орудия коммунистической власти»⁴⁹. Университет охватила кружковщина и кампанийщина: прежние организации (студенческая и стипендиальная комиссии), а также новые органы (тройки содействия и др.)⁵⁰ активно использовались партийными

ни этим положением ставятся предметные комиссии. Их составляют все научные работники, принимающие участие в преподавании соответствующих дисциплин, а также представители студентов, «выполняющих учебную повинность» по дисциплинам, данным предметной комиссии, – в количестве, равном половине научных работников. Студенты таким образом участвуют: «в распределении преподавателей между различными учреждениями; в распределении читаемых курсов между преподавательским персоналом; в детальной разработке программ; в обсуждении методов преподавания; в руководстве учебно-вспомогательными учреждениями; в рекомендации пригодных для замещения профессорских вакансий» (Там же. С. 452; см. также: Декрет СНК РСФСР. Положение о высших учебных заведениях РСФСР. 3 июля 1922 года // СУ РСФСР. 1922. № 43. Ст. 518).

⁴⁹ УЗ МГУ. Вып. 51. С. 60-61; *Стратонов В. В.* 2007. 427.

⁵⁰ Постановлением НКП от 18 ноября 1918 г. «Об участии студентов в управлении высшими учебными заведениями РСФСР» руководство студенческими делами было возложено на органы студенческого самоуправления – общее собрание студентов вуза, отдельных факультетов, курсов и т. п., а также на советы студенческих старост (Сборник декретов и постановлений Рабочего и крестьянского правительства по народному образованию. Вып. 2. М., 1918. С. 8-9). Девятого октября 1922 г. ВЦСПС принял «Положение об организации пролетарского студенчества высшей школы в профессиональные секции». Студенты должны были объединяться в них для активного содействия проведению нового положения о высшей школе (принято в июле 1922 г.), связи с профсоюзами и производством, научной и культурно-просветительной работы, охраны своих академических и материальных интере-

студентами в своих личных целях, в том числе как средство борьбы с несогласными и с теми студентами, которые представлялись им чуждыми новому обществу. В целом этому способствовала политика Советского правительства в области образования. Так, декретом СНК РСФСР от 19 ноября 1920 г. «О реорганизации преподавания общественных наук в высших учебных заведениях РСФСР» при НКП образована Комиссия для коренного пересмотра преподавания общественных наук в высших школах РСФСР. Комиссии вменялось в обязанность не позднее 15 января 1921 г. представить на утверждение СНК новые учебные планы факультетов и отделений по общественным наукам, а также списки лиц, которым может быть поручено их преподавание⁵¹. А в последний день 1920 г. состоялось первое партийное совещание по вопросам народного образования и осуществления реформы высшей школы, созванное по инициативе В.И. Ленина. В резолюции совещания подчеркивалась необходимость политического завоевания высшей школы, политического воспитания студентов и подготовки возможно большего количества специалистов, вышедших из рядов пролетариата⁵². Все это говорит о том, что покорение вузов давалось новой власти с трудом несмотря на сильнейшее давление «сверху».

Начало созданию новых преподавательских кадров положило «Постановление об учреждении институтов по подготовке красной профессуры» (11 февраля 1921 г.)⁵³. Однако поначалу узкопартийная направленность преподавания во вновь образованных Советской властью вузах обусловила в середине 1920-х гг. отток из них учащихся в

сов (Культурная жизнь в СССР. Хроника. 1917–1927 гг. М., 1975. С. 374)

⁵¹ Известия ВЦИК. 3 декабря 1920 года.

⁵² Высшая школа. 1938. №6-7. С. 6-36.

⁵³ Постановление СНК РСФСР об учреждении институтов по подготовке красной профессуры // СУ РСФСР. 1921. № 12. Ст. 79.

другие учебные заведения, в том числе и в Университет, по причине низкого качества образования. Среди них оказался один из ведущих представителей антисталинской оппозиции из числа московских студентов Гдалий Мордкович (Маркович) Мильман (1907 – 1938 гг.), первоначально учившийся в Академии Коммунистического Воспитания имени Н.К. Крупской⁵⁴, но переведшийся на этнологический факультет 1-го МГУ в 1925 г.⁵⁵.

Упадок Университета был столь стремительным и явным, что на конференции по делам высшей школы, устроенной Наркомпросом летом 1921 г. и проходившей в здании Московской Консерватории, один из петроградских профессоров заявил: «Здесь говорят о Московском университете. Но он уже в развалинах! Это – деталь, на которой не стоит останавливаться»⁵⁶. Однако, «неравная борьба имела предрешенный исход»⁵⁷. Реакцией на организованную старой профессурой в феврале 1922 г. забастовку Университета было воззвание народного комиссара просвещения А.В. Луначарского (1875 – 1933 гг.),

---

⁵⁴ АКВ была образована в 1923 г. на базе бывшего частного Педагогического института имени П. Г. Шелапутина (1911 – 1919 гг.), реорганизованного в Академию социального воспитания (1919 – 1923 гг.). Имя Н.К. Крупской присвоено в 1924 г. До 1934 г. АКВ действовала в Москве, а затем – в Ленинграде, где в 1935 г. была преобразована в Коммунистический педагогический институт имени Н.К. Крупской, существовавший до 1942 г., когда он был объединен с Ленинградским педагогическим институтом имени А.И. Герцена (сейчас – Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена).

⁵⁵ Архив МГУ. Ф. 1, оп. 14 л., ед. хр. 901/1925. Студентам вузов, имевшим зачет не менее чем по двум предметам, предоставлялось право перехода из одного вуза в другой на основании постановления НКП «О порядке перехода студентов из одного высшего учебного заведения в другое» (СУ РСФСР. 1918. № 71. Ст. 770).

⁵⁶ Стратонов В.В. 2007. 431.

⁵⁷ Там же. С. 411.

написанное, как при Кассо, «языком старых грозных министерских циркуляров»⁵⁸.

Ко всем указанным проблемам, а также к политико-идеологическому противостоянию примешивались голод, нищета (профессор до забастовки получал 25 рублей в месяц), нехватка препаратов, реактивов, приборов и т. п. 28 января 1922 г. Правление 1-го МГУ рассмотрело вопрос о положении на физико-математическом факультете, ставшем центром борьбы, в связи с тем, что в первой половине января руководство факультета во главе со Стратоновым провело общее собрание факультета, на котором были выдвинуты требования материального характера и принята резолюция о прекращении занятий. Правление 1-го МГУ отменило эту резолюцию и заверило преподавателей, что вопросы с зарплатой будут урегулированы. Вскоре правительство повысило профессорское жалование⁵⁹. Кроме того, Наркомпрос, как и царское правительство в 1905 г., поставил на повестку дня вопрос о закрытии многих учебных заведений. Стратонову и его сторонникам одним из средств избежать этого, виделось введение частичной оплаты обучения⁶⁰. Советская власть, провозгласившая

---

⁵⁸ Там же. 435.

⁵⁹ Московский университет 1755–1930. 221.

⁶⁰ Кроме того, в марте 1922 г. Правление МГУ обсудило катастрофическое хозяйственное положение Университета. В принятом постановлении предлагалось разработать проект о введении платы с больных, находящихся в клиниках, и квартирной платы со служащих, пользующихся квартирами в зданиях университета (ОСДМУ за 1922 год. М., 1923. С. 5). Также Правление ходатайствовало перед Моссоветом о снятии с университета расходов по оплате коммунальных услуг. При МГУ была образована Комиссия помощи голодающим (Из истории Московского университета. С. 149). То, что проблема материального состояния Университета не была решена, доказывают сходные обращения профессоров к Советскому Правительству и Правлению Университета в июле и октябре 1925 г. Так, Правление 1-го МГУ заслушало доклад про-

это недопустимым⁶¹, была вынуждена надолго вернуться к этой непопулярной буржуазной мере⁶². В годы пребывания в Университете Шаламова Правление и различные комиссии пристально следили за доходами студентов и их родных, не пропуская возможности повысить плату⁶³.

фессора А.В. Кубицкого о приеме Председателем СНК СССР А.И. Рыковым делегации Совета МГУ (в составе: А.В. Кубицкий, Я.С. Ганецкий, А.И. Абрикосов; Д.А. Карпов – представитель от студентов). Члены делегации доложили о крайне тяжелом финансово-хозяйственном положении университета (ЦМАМ. Ф. 1609, оп. 1, ед. хр. 900). Правление МГУ обсудило вопрос о представлении в Главпрофобр пятилетнего плана восстановления и развития Университета. Ректор А.Я. Вышинский предложил всем факультетам в недельный срок представить заявки на необходимый ремонт и оборудование учебно-вспомогательных учреждений с распределением работ на пять лет. Общая цифра запланированных расходов составила 25 млн. рублей (Там же).

⁶¹ Декрет о правилах приема в высшее учебное заведение РСФСР // Декреты Советской власти. Т. III. С. 141.

⁶² Введено 3 июля 1922 г., согласно новому «Положению о высших учебных заведениях Р.С.Ф.С.Р.» (СУ РСФСР. 1922. № 43. Ст. 518).

⁶³ Пятнадцатого декабря 1924 г. постановлением СНК РСФСР был установлен годовой размер платы за обучение в вузах в зависимости от заработной платы. Плата за обучение колебалась от 25 рублей (при заработной плате 50–75 рублей в месяц) до 225 в год (при заработной плате 301 рубль и выше в месяц). С 1925 г. студенты, получавшие государственные стипендии, были освобождены от платы за обучение. Так, например, Сарра Менделевна (Максимовна) Гезенцвей (1908–1937), одна из близких подруг В. Т. Шаламова, введшая его в ряды «левой оппозиции», поступив в 1-й МГУ в 1925 г., была вынуждена платить за обучение 27 рублей в месяц, в 1926-м – 63 рубля (Архив МГУ. Ф. 1, оп. 14 л., ед. хр. 272/1925, л. 28), а в 1927 г. – 120 рублей (Там же. Л. 29^а). Плата увеличивалась, поскольку ее отец, М. А. Гезенцвей, у которого Сарра находилась на иждивении, в 1927 г. стал занимать высокую и хорошо оплачиваемую (оклад 225 рублей в месяц) должность помощника заведующего налогового управления Наркомата финан-

Чтобы снизить сумму оплаты или же вовсе снять с себя это тяжкое бремя, студентам и их родителям приходилось собирать множество документов, подтверждавших материальное положение⁶⁴. Двадцать шестого июня 1922 г. декретом СНК РСФСР «Об обеспечении стипендиями пролетарского студенчества» для слушателей вузов, «принадлежащих к пролетариату и трудовому крестьянству», вводились государственные и допускалось учреждение частных стипендий. Число государственных стипендий определялось на каждый год особым постановлением СНК. В состав стипендий входили: продовольственное и вещевое снабжение общежития, денежные выдачи⁶⁵.

«Москвичи» несмотря даже на жестокие выпады «питерцев» продолжали отстаивать свои интересы вплоть до августовских арестов 1922 г. Двадцать второго августа этого года были отстранены от работы Кизеветтер, Новиков, Стратонов, арестован Байков. Ректор

сов (Там же. Л. 30^л, 32^л). Однако болезнь отца и его уход с работы заставил Сарру поступить на службу в Наркомат путей сообщения (Там же. Л. 33^л, 34^л), где она получала 175 рублей. В связи с этим она просила снизить ей плату за обучение до 60 рублей и разрешить выплачивать эту сумму в рассрочку (Там же. Л. 31^л).

⁶⁴ Как известно, в СССР окончательно откажутся от взимания платы за обучение в вузах только в 1956 г. (Народное образование в СССР: сборник документов. 1917–1973. С. 192).

⁶⁵ СУ РСФСР. 1922. № 35. Ст. 413.

Декрет СНК СССР от 6 ноября 1924 г. «О государственных стипендиях для студентов высших учебных заведений» отменил натуральные выдачи и оставил только денежную часть пособия. Обязательными условиями зачисления студента на стипендию являлись рекомендация ячейки РКП(б) вуза и наличие профессионального или кооперативного стажа. По окончании курса стипендиат обязывался прослужить в рекомендовавших его организациях столько времени, сколько он пользовался стипендией. К 1927 г. стипендией было обеспечено 40% студенчества, что почти полностью охватило пролетарскую его часть. В 1931 г. стипендией обеспечивались 71,3% учащихся (*Штамм С. И.* 1985. 244–245).

В.П. Волгин обратился в ГПУ за разъяснениями⁶⁶. Уже через два дня на этот запрос последовал вполне внятный и однозначный ответ, «что профессор Стратонов Всеволод Викторович 17 августа с. г. арестован за антисоветскую деятельность. На основании Декрета СНК от 30 июля 1919 г. “Об ограничении прав на вознаграждение лиц, привлеченных к следствию или суду” гр-н Стратонов В. В. подлежит немедленному увольнению со службы и лишению со дня ареста получаемого им до сих пор содержания»⁶⁷. На заседании физико-математического факультета 13 сентября было заслушано письмо Стратонова с прощальным приветствием и выражением признательности за доверие во время его нахождения на посту декана со стороны членов факультета. В свою очередь, заседание факультета выразило глубокую благодарность своему бывшему декану за самоотверженное исполнение своих обязанностей в самое тяжелое для факультета время и высказало желание видеть его снова и возможно скорее⁶⁸. А уже 30 сентября немецкий пароход «Oberbürgermeister Naken» увозил из Петрограда в Штеттин группу высланных из Москвы, вместе с их семьями. Среди них находились профессора Московского университета Байков, Бердяев, Ильин, Кизеветтер, Новиков, Франк и Стратонов»⁶⁹.

---

⁶⁶ «По распоряжению ГПУ на прошлой неделе арестован ряд профессоров Московского 1-го государственного университета. Доводя об этом до сведения Главпрофобра, Правление университета просит принять меры к выяснению обстоятельств произведенных арестов и в случае, если против задержанных лиц не выдвигается серьезных обвинений, оказать возможное содействие к их освобождению, ибо их отсутствие в самом начале учебных занятий весьма неблагоприятно отразилось бы на ходе университетского преподавания» (Московский университет 1755–1930. С. 241; ЦМAM. Ф. 1609, оп. 4, ед. хр. 2а).

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ ЦМAM. Ф. 1609, оп. 1, ед. хр. 587.

⁶⁹ Московский университет 1755–1930. 241.

Вслед за этим началось новое наступление правительства на гуманитарные факультеты. Первого ноября 1922 г. СНК РСФСР внес изменения в перечень социально-экономических дисциплин, обязательных для преподавания в вузах РСФСР. В научный минимум были включены три предмета: исторический материализм, капитализм и пролетарская революция, политический строй и социальные задачи РСФСР (Октябрьский переворот и его причины, Конституция РСФСР, внутренние и международные задачи РСФСР)⁷⁰. А уже 14 декабря того же года был обнародован циркуляр ЦК РКП(б) «О работе партийных организаций в вузах и рабфаках», в котором констатировалась «необходимость усиления идейного влияния партийных организаций на работу высшей школы». Подчеркивалось, что «партия должна пропитать своим идейным влиянием самую работу школы. Партийные организации должны принимать участие в подборе преподавательского состава вузов и рабфаков, в разработке и проведении новых методов преподавания, использовать студентов-коммунистов для организационной, агитационно-пропагандистской и культурно-просветительной работы как внутри партии, так и среди беспартийных»⁷¹.

Последующие годы были отмечены укреплением партийной линии в управлении Университетом в целом и посвящены работе над вопиющими ошибками, допущенными в первые годы советского реформирования высшей школы. Декретом СНК РСФСР от 18 февраля 1924 г. было утверждено новое «Положение о рабочих факультетах». В нем перед рабфаками ставилась задача подготовки к занятиям основного курса Университета исключительно лиц из среды пролетариата и трудового крестьянства. Однако продолжительность обучения на

---

⁷⁰ СУ РСФСР. 1921. № 119. Ст. 119; Там же. 1922. № 75. Ст. 929.

⁷¹ Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании за 1917–1947 гг. Вып. 2. М., 1947. С. 9–11.

дневных рабочих факультетах увеличивалась до трех⁷², а на вечерних до четырех лет, что говорит о недостаточности прежних года-двух, отпущенных для закрытия пробелов в знаниях, а также о сохранении низкого уровня образования и стремления к нему в рабочей и крестьянской среде⁷³. Другой проблемой было освободить Университет от роли «социального лифта» (об этом уже говорилось выше) и, в том числе с этой целью оптимизировать число учащихся. Декретом СНК СССР от 16 апреля 1924 г. было объявлено сокращение до конца текущего года наличного количественного состава учащихся в вузах РСФСР⁷⁴. Кроме того, это говорит о том, что Советская Россия оказалась не в состоянии использовать в ближайшие годы всех оканчивающих вузы студентов различных категорий по их специальностям.

Таким образом, к моменту появления Шаламова в Московском Университете последний «стал аренной для сведения дальнейших счетов и с профессурой, и с несчастным студенчеством»⁷⁵. В научном отношении, что особенно касается преподавания гуманитарных наук, положение было самое плачевное.

«Постановление об организации факультетов общественных наук», принятое 4 марта 1921 г.⁷⁶, фактиче-

---

⁷² Декретом СНК РСФСР от 22 августа 1925 г. на дневных рабфаках установлена продолжительность обучения в четыре года (СУ СССР. 1925. Ст. 457).

⁷³ Там же. 1924. Ст. 190.

⁷⁴ Там же. Ст. 468. Декретом СНК РСФСР от 3 июля 1925 г. «Об изменении некоторых статей Положения о высших учебных заведениях» было введено ограничение на поступление в вузы с семнадцати лет. (Там же. Ст. 363.)

⁷⁵ *Стратонов В.В.* 2007. 455.

⁷⁶ Декрет СНК РСФСР от 4 марта 1921 г. «О плане организации факультетов общественных наук российских университетов» // СУ РСФСР. 1921. Ст. 117. Формально ФОН в 1-м МГУ был создан еще 14 мая 1919 г. отдельным постановлением коллегии НКП и во исполнение постановлений Наркомпроса об упразднении юридического и историко-филологического факультетов, изданно-

ски разрушало прежнюю систему, не предлагая взамен практически ничего. Этим документом было также предусмотрено создание в Московском Университете правового отделения в составе ФОН⁷⁷. Однако тот факт,

---

го (23 декабря 1918 г.) и об организации в университетах факультетов общественных наук (3 марта 1919 г.). Целью создания ФОНа определялась подготовка марксистских кадров для преподавания социально-экономических дисциплин. Правда, уже 14 ноября 1919 г. общий президиум ФОН (см. ниже) принял решение о прекращении лекционных занятий с 1 декабря 1919 г. по 1 апреля 1920 г. ввиду отсутствия топлива для аудиторных помещений. Семинарские занятия могли проводиться только по взаимной договоренности профессоров и студентов (ЦМAM. Ф. 1609, оп. 6, ед. хр. 4). Факультет открылся в составе трех отделений: экономического, юридико-политического, исторического. На 24 июня 1920 г. на юридико-политическом отделении числилось 48 студентов, на историческом – 44 на экономическом – 12 (ЦМAM. Ф. 1609, оп. 6, ед. хр. 4, 14).

⁷⁷ Первоначально в ФОН входили экономическое, политико-юридическое (правовое) и историческое отделения. Позднее в его составе появились литературно-художественное и этнолингвистическое отделения. При образовании в Москве единого государственного университета в августе 1919 г. все существовавшие в Москве ФОНы объединялись и входили в состав факультета общественных наук 1-го МГУ. Курсы этого факультета, читаемые во 2-м МГУ (бывшие Московские высшие женские курсы) и в 3-м МГУ (бывший университет имени А. Л. Шанявского), если они совпадали с соответствующими курсами 1-го МГУ, закрывались. Таким же образом производилось уплотнение историко-филологических или аналогичных им факультетов этих трех московских университетов. Физико-математические и естественные факультеты объединялись в один факультет, а медицинские факультеты оставались в их настоящем состоянии до объединения всех высших медицинских учебных заведений Москвы в один Московский государственный медицинский институт. Советы трех московских университетов должны были вступить в соглашение на предмет объединения в один орган не позднее 15 сентября 1919 г. (Постановление НКП от 26 августа 1919 г. «Об объединении московских высших

что факультет советского права, на который поступил Шаламов⁷⁸, будет основан только в 1925 г. в результате

учебных заведений» (Сборник декретов и постановлений Рабочего и крестьянского правительства по народному образованию. Вып. 2. М., 1919. С. 466). В 1924 г. были объединены экономическое и статистическое отделения ФОНа с экономическим факультетом Института народного хозяйства имени Г. В. Плеханова (бывший Коммерческий институт) в составе Института отделения общественно-педагогического, литературы и языков ФОН – с педагогическим факультетом 2-го МГУ. Отделение внешних сношений ФОН было закрыто. В составе 1-го МГУ сохранено только правовое отделение ФОН (Декрет СНК СССР «Об изменениях сети высших учебных заведений» от 8 августа 1924 г. // Там же. Ст. 680).

⁷⁸ Коллегия Главпрофобра постановила преобразовать с 1925 г. правовое отделение ФОН в факультет советского права 1-го МГУ (ЦМАМ. Ф. 1609, оп. 1, ед. хр. 883). Второго апреля 1925 г. на совместном заседании представителей деканатов ФОН, факультета советского права и этнологического факультета начато фактическое преобразование ФОНа в факультет советского права (с отделениями: правовым, экономическим, статистическим, внешних сношений) и этнологический факультет (с отделениями: языка и литературы, археологии и искусствознания, общественно-педагогическим). Перед факультетом советского права была поставлена задача подготовки общественных работников с высшим юридическим образованием (ЦМАМ. Ф. 1609, оп. 7, ед. хр. 11, 88). Декретом СНК от 17 апреля 1925 г. этнологический факультет был объявлен преемником историко-филологического факультета. Перед новым факультетом поставлена задача подготовки работников в области культурного строительства народов СССР. Первое заседание его деканата состоялось 5 мая под председательством декана профессора В. П. Волгина. Факультетом объявлен прием в количестве 160 человек на отделения: истории материальной культуры (с 26 мая – историко-археологическое), этнографическое, литературное, изобразительных искусств (Архив МГУ. Ф. 18, оп. 1, ед. хр. 37, 74). И, наконец, 25 апреля было объявлено о создании этнологического факультета и факультета советского права. К факультету советского права отошли отделения ФОН: экономическое, стати-

разделения ФОНа (на факультет советского права и этнологический факультет), говорит о том, что ни сам предмет изучения, ни его место в истории и структуре самой новой советской юридической науки были крайне неопределенными⁷⁹. Например, лекции А.Я. Вышинского (1883 – 1954 гг.) и его книги, в которых ставились и разрешались вопросы советского права, были поверхностны и не производили впечатления. Не говоря уже о том, что в отношении тогдашнего ректора Университета студенты позволяли себе откровенно неуважительные отзывы и поступки⁸⁰. Но вместе с тем су-

---

стическое, правовое (ЦМAM. Ф. 1609, оп. 1, ед. хр. 883, 900; СУ СССР. 1925. Ст. 199; ЦМAM. Ф. 1609, оп. 6, ед. хр. 116).

⁷⁹ Яцук Т.Ф. 1999. 111-114.

⁸⁰ А.Я. Вышинский был ректором 1-го МГУ как раз в то время, когда там учился В.Т. Шаламов (в 1925–1928 гг.), а в 1923–1925 гг. состоял профессором по кафедре уголовного процесса. Об откровенной ненависти к А.Я. Вышинскому не только профессуры, но и даже партийного студенчества также пишет в своих «Записках» И.М. Павлов (Павлов И.М. 2001. С. 55-56).

Несколько забегаая вперед, следует упомянуть интересное свидетельство, обнаруженное В.В. Есиповым при работе в «фонде В.Т. Шаламова» в РГАЛИ. В одном из рукописных вариантов «Вишерь», который не вошел в печатную версию, В.Т. Шаламов пишет: «Я был свидетелем, как на открытом партийном собрании в Коммунистической аудитории в новом здании МГУ ударили по физиономии ректора университета Андрея Януарьевича Вышинского. Вышинский перебивал речи оратора из оппозиции, свистел, вставляя пальцы в рот» (РГАЛИ. Ф. 2596, оп. 2, д. 65, л. 30).

Павлов так описывает данный инцидент в своих «Записках», относя его к концу октября 1927 г.: «Последнее дискуссионное собрание было создано... в коммунистической (б. Богословской) аудитории университета. <...> Снова явился в качестве официального докладчика ЦК Ярославский. Оппонентом его на этот раз был член ЦК Х. Раковский. Собрание началось бурно, докладчика все время прерывали гневными и оскорбительными репликами: “Могильщик революции!” “Цербер!” “Предатель!” и т. д. Шум в зале все нарастал и уже через 15–20 минут слова докладчика

ществовали работы блестящего российского юриста, специалиста по налоговому праву Западной Европы и

захлестнул хаос. Все попытки президиума водворить порядок были бесплодны, и Ярославский вынужден был сесть. Выступивший затем Раковский был встречен бешеными аплодисментами оппозиционеров и беспорядочными криками сталинцев. Громовым басом он заглушил выкрики и с большим подъемом говорил около получаса. Речь его произвела сильное впечатление. С криками «Ура!» все как один поднялись со своих мест оппозиционеры. – Да здравствует ленинская гвардия! Да здравствуют нестигаемые революционеры! Ура! Ура! Ура! – гремело в аудитории и в коридорах. Овация длилась несколько минут. Затем, сняв со сцены Раковского, оппозиционеры, распевая Интернационал, понесли его на руках на Моховую к стоявшей автомашине. В коридоре и во дворе к процессии присоединились комсомольцы и беспартийные студенты. С небывалым подъемом, точно в экстазе, пели волнующий гимн Интернационалу.

Когда процессия, проходя коридором, спускалась по лестнице, ректор университета А.Я. Вышинский выскочил в коридор и глубоко засунув пальцы в рот стал пронзительно свистать. Стоявшие рядом студенты избили его. Били сначала по лицу, а когда он свалился, били ногами куда попало. Потеряв пенсне, с разбитым носом, растрепанный, грязный и жалкий, выбирался он на четвереньках из толпы, поощряемый пинками ног. В последующие затем дни, при его появлении в университете всюду слышались крики студентов:

– Свистун, хулиган, рыжий лакей и т. д. Возмущение студентов было так велико, что Вышинский стал прятаться, боясь показываться публично. Даже райком партии не мог пройти мимо хулиганского поступка Вышинского и вынес ему выговор «за недостойное ректора университета и большевика поведение». Об этом взыскании было сообщено университетской парторганизации. И без того не пользовавшийся доверием и популярностью среди студентов, Вышинский был раздавлен. Так, вероятно, думал и сам Вышинский. Случайно, через Маленкова, об этом инциденте узнал Сталин. Ознакомившись с досье Вышинского, Сталин иначе оценил «подвиг» и «таланты» его. Несколько дней спустя Вышинский был назначен зав. Главпрофобром и замнаркома просвещения. Это было началом его большой карьеры» (*Павлов И.М.* 2001. 87-88).

Советской России, профессора Московского Университета П.П. Гензеля (1878 – 1949 гг.), который стал одним из первых «невозвращенцев» от науки (остался за границей в 1928 г., не вернувшись из командировки), а также профессоров Рейснера, Иоффе, Вольфсона и др.

Университет продолжал бороться за сохранение образовательного и культурного уровня молодежи. Профессор Я.С. Пржеборовский в своем докладе Правлению 1-го МГУ, сделанном им 26 ноября 1925 г., предложил организовать при Университете Народный (Воскресный) университет для широких масс с целью повышения общего образования населения. Докладчик отметил, что одной из задач, которые должны осуществляться 1-м МГУ, является культурно-просветительская работа среди широких масс трудящихся. Предлагалось организовывать по воскресеньям циклы лекций-бесед по естествознанию и общественным наукам. Деятельное участие в проведении подобных лекций, которые стали проводиться с 15 декабря того же года, приняли профессора физико-математического и этнологического факультетов А. И. Абрикосов, Г.С. Колеснев, Г.Ф. Мирчинк, Я.С. Пржеборовский, М.В. Сергиевский и И.Д. Удальцов⁸¹.

В 1924 г. Варлам Шаламов приедет в Москву, кочующую «социальными сражениями», а спустя два года шагнет в двери Московского Университета, который только вступал в следующий этап своей истории совершенно не похожим на Университет царского времени и еще не приобретшим своего нового лица.

II

Несмотря на удивительную цельность личности Шаламова, какой она предстает по его собственным воспоминаниям даже в юношеские годы, в ней следует серьезно усомниться: этапы его биографии то синхрони-

---

⁸¹ ЦМММ. Ф. 1609, оп. 1, ед. хр. 900, 986.

зируются между собой, то, наоборот, находятся в дихотомии. Недаром он назвал прожитое им несколькими жизнями, в каждой из которых заключен уникальный опыт социализации в различных общественных средах, внутренние искания, воздействия извне.

Наследие Шаламова – один из важных источников не только для восстановления событий его собственной жизни, но и по истории Советской России 1920-х гг. Автобиографические тексты Шаламова прекрасно передают атмосферу Москвы тех лет, заключают в себе весьма точные воспоминания, а также воскрешают приметы того времени, которое было мистифицировано официальной идеологией к 1960-м гг., когда Шаламов взялся описать свою молодость. Его проза, «новая проза», сама по себе документальна, хотя, безусловно, ей никак нельзя отказать в глубоком художественном преодолении действительности. Развернувшееся обсуждение ее литературно-исторических характеристик еще не завершено⁸².

---

⁸² Шрейдер Ю. А. 1993. 204-217; Brewer M. 1995. 92-100 (русская версия см. URL: <http://shalamov.ru/research/150/>; 22. 01. 2014); Есинов В.В. 1997. С. 86-103; Михайлик Е. 1997. 105-129; Она же. 1997. 74-85; Волкова Е.В. 1998. 167-173; Mikhailik E. 2000. 169-186 (русская версия см.: URL: <http://shalamov.ru/research/136/>; 22. 01. 2014); Михайлик Е. 2002. 101-114; Некрасова И.В. 2003. 191-197; Golden N. 2004 (см. также – URL: <http://shalamov.ru/research/138/>; 22. 01. 2014); Токер Л. 2005. 320-328; Юргенсон Л. 2005. 340-344; Берютти М. 2007. 199-208; Toker L. [Testimony and Doubt: Shalamov's "How It Began" and "Handwriting"](#) // 2007. P. 51-67 (русская версия см. – Realities: Fictionality and Non-fictionality in Literary Constructs and Historical Contexts / Ed. M. Lehtimäki, S. Leisti, M. Rytönen. Tampere, URL: <http://shalamov.ru/research/137/>; 22. 01. 2014); Есинов В.В. 2007. 105-178; Рыклин М. 2008. 304-320; Апанович Ф. URL: <http://shalamov.ru/research/148/>; 22. 01. 2014; Михайлик Е. 2009. 178-204 (см. также: Михайлик Е. 2011. 115-142). См. также: Международная научная конференция «Закон сопротивления распаду». Особенности прозы и поэзии Варлама Шаламова и их восприятие в начале XXI века. 2013.

Биография Шаламова воплощена, в том числе и казенным языком в гораздо менее изысканной и художественно бедной форме документа. Часто к данному виду исторических источников, особенно, когда речь заходит о советском периоде истории России, относятся, по крайней мере, со значительной долей скепсиса. И это справедливо. Тем не менее «реакция документа» зависела от остроты проблемы, когда критическая масса событий и социальных проявлений не могла не отразиться на адекватности данного типа памятников, которые следует воспринять такими, какие они есть. Даже формуляр бланков той поры сам по себе является источником информации, вопросником, в котором заложен определенный интерес новой власти к членам еще не преобразованного на новый советский лад общества.

Отдельное направление в исследовании жизни и творчества Шаламова представляет выявление, изучение и введение в научный оборот архивных материалов, корпус которых еще не сформирован и не изучен в полной мере. Важной его частью является давно известное, но описанное полностью автором данного очерка только в июле 2010 г., личное дело Шаламова из Архива МГУ имени М.В. Ломоносова⁸³ (Ф. 1, оп. 14 л, ед. хр. 1538/1926)⁸⁴. Содержащиеся в нем материалы уточняют не только некоторые факты биографии писателя, встречающиеся в его сочинениях, но и содержат *самые ранние по времени фиксации аутентичные сведения*, раскрывающие обстоятельства участия Шаламова в общественно-политической жизни

---

⁸³ С его материалами в Архиве МГУ имени М. В. Ломоносова работали Е.А. Коновалова и Р.А. Рожина. Благодаря им цифровые копии отдельных листов данного дела представлены на сайте www.shalamov.ru (<http://shalamov.ru/gallery/#youth>; 22. 01. 2014), который начал свою работу в 2008 г. Однако там нет самых интересных текстов, содержащихся на л. 18, 19 и 26 (см. ниже).

⁸⁴ «Просьба избавить нас от Шаламовщины...». Дело студента Варлама Шаламова. См. *С.Ю. Агишев*. 2013. 345-381.

ни в годы его студенчества. Эти памятники отчасти позволяют проследить также развитие тех тенденций в жизни Университета, которые были отмечены выше и их влияние на судьбы отдельных студентов.

Материалы дела можно разделить на две неравные группы. Первую составляют оригиналы и копии документов, рассказывающие о происхождении и образовании молодого Шаламова, о его материальном положении. Содержащиеся в них данные отражают то, как он пытался обойти препоны, расставленные советским законодательством, запретившим прием в вузы выходцев из социально чуждых новой власти слоев и их детей.

Исследования последних лет показали, что у последних было два пути. Первый – скрыть свое происхождение, подав положение своих родителей в более выгодном для себя свете. Второй – обратиться в правление вуза с заявлением, в котором молодой человек или девушка отрекались от своих родителей-«лишенцев», порывали с ними и заверяли новые власти в том, что пролетарское сознание глубоко проникло в них⁸⁵. Шаламов пошел по первому пути – тяга к Университету была слишком велика.

Подавая анкетные данные, он, во-первых, сделал акцент на своем рабочем стаже и выполняемой им общественной нагрузке. Во-вторых, Шаламов скрыл имеющуюся у него московскую прописку в квартире сестры, которая не давала ему возможности попасть в общежитие и обрести столь желанную и полную свободу от прежних уз, к которой молодой человек, тяготившийся общением с родственниками, так стремился. В-третьих, утратив весьма приличный по тем временам заработок на заводе, он нуждался в стипендии. В-четвертых, он указал на настоящее на тот момент положение своих родителей – Тихона Николаевича (1868 – 1933 гг.) и Надежды Александровны (в девичестве Воробьевой) (1870 – 1934 гг.), не упомынув о священническом сане отца.

---

⁸⁵ Рожков А.Ю. 1999. 128-143; Рожков А.Ю. 2003; Андреев Д.А. 2007. 156-166; Амалиева Г.Г. 2007. 414-430.

Во вторую группу можно объединить те материалы дела, которые посвящены как раз *выяснению* действительного происхождения Шаламова и его материального положения. К ним примыкают документы, на основании которых он был исключен из Университета. Но все они сосредотачиваются вокруг трех уникальных текстов. Первый представляет собой фрагмент письма однокашника и земляка Шаламова, Михаила Арсеньевича Коробова⁸⁶ к некоему Антону. В нем он сообщает о случайной встрече с Шаламовым в Вологде и о его действительном социальном происхождении. Второй принадлежит перу того же Коробова: это его заявление в партийную ячейку Университета, в котором он уже открыто разоблачает Шаламова как сына священника. Авторство третьего принадлежит Антону Ионовичу Шпекторову⁸⁷, приятелю Коробова, вместе с членом правления Университета М.А. Седовым и студентом Ф. Писконкелем активно способствовавшему исключению Шаламова из вуза. По форме этот документ также представляет собой заявление о ненадлежащем поведении Шаламова и его друзей в общезжитии 1-го МГУ и нарушении правил проживания в

---

⁸⁶ Коробов Михаил Арсеньевич родился 6 мая 1904 г. в деревне Балабаево Северного края Шуйского района Вологодской губернии. Поступил в 1-й МГУ на факультет советского права в 1926 г. и окончил его в 1930-м, что подтверждает свидетельство, хранящееся в его личном деле (Архив МГУ. Ф. 1, оп. 14 л., ед. хр. 642/1926). На основе материалов этого дела установлено, что к 1933 г. М.А. Коробов прослушал в 1-м МГУ теоретический курс аспирантуры на факультете советского права, о чем 20 июня 1941 г. затребовал подтверждение в виду утраты им соответствующих документов. По той же причине он прислал в архив МГУ письменную просьбу о восстановлении нужных бумаг уже в 1950 г. Также стало известно, что в 1941 г. М.А. Коробов проживал: г. Курск, ул. Володарского, 48; а в 1950 г.: г. Курск, ул. М. Горького, 36, кв. 7 (обратные адреса, указанные им на конвертах).

⁸⁷ Вероятно, тому самому Антону из письма М.А. Коробова – в 1927–1932 гг. студенту факультета советского права (см. ниже).

нем. Особая ценность этого текста заключается в том, что там впервые упоминается факт участия Шаламова в так называемой «левой оппозиции».

Таким образом, корпус памятников, посвященных периоду конца 1924 – начала 1929 гг. в жизни Шаламова составляют (в хронологическом порядке):

1) документы из личного дела Шаламова, хранящиеся в Архиве МГУ, хронологически предшествующие всем прочим материалам, также отражающим информацию о биографии и деятельности Шаламова в эти годы;

2) материалы следственных дел из Центрального архива ФСБ России 1929, 1937 и 1943 гг.⁸⁸;

3) доносы осведомителей КГБ СССР второй половины 1950-х гг. (ЦА ФСБ России ПФ-4678, т. 1, ч. II, л. 161);

4) воспоминания самого Шаламова о его молодости, появившиеся в 1960-е гг., воплощенные в его прозе, а также письма и записные книжки, хранящиеся вместе с другими его рукописями в «фонде Шаламова» (РГАЛИ. Ф. 2596)⁸⁹.

---

⁸⁸ См. URL: shalamov.ru/documents/9, shalamov.ru/documents/12, shalamov.ru/documents/13; 10.01.2013.

⁸⁹ По причине того, что рукописи В.Т. Шаламова, хранящиеся в РГАЛИ, изучены не до конца, возможно дальнейшее пополнение корпуса источников. Это относится также к еще не выявленным документам из других архивов. Определенные надежды внушает в общем-то случайное обнаружение протокола допроса В.Т. Шаламова в качестве свидетеля в следственном деле некоего В.Д. Фарфаровского, хранящегося в Пермском государственном архиве новейшей истории (ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 14947, л. 51). Впервые ссылка на него была сделана пермским исследователем С.А. Шевыриным. См.: *Шевырин С.А.* 2009. 193-198; см. также –

URL: <http://www.politarchive.perm.ru/publikatsii/stati/konstruktorskie-byuro-v-gulage.html>; 10.01.2014). Уникальность этого документа заключается не только в том, что он был абсолютно неизвестен, но и потому, что он доносит до нас стилистические особенности речи В.Т. Шаламова, переданные при записи, вероятно, еще неопытным уполномоченным следственной части Касумовым. Ознакомиться с точной копией этого документа автору данного очерка удалось в

Таким образом, источниковая база, позволяющая восстановить биографию Шаламова, весьма разнородна в жанровом плане. Те или иные памятники характеризуются не только особенностями отражения действительности, но и различным фокусом, изменяющимся в зависимости от жизненных установок, общественной позиции, институциональных требований, времени появления. Изучая жизнь и творчество автора «Колымских рассказов», еще существует необходимость решать первичные источниковедческие задачи:

1) выявлять неизвестные до настоящего времени документы, проводить их описание, систематизацию и каталогизацию;

2) осуществлять внешнюю критику источников, их комментирование и издание;

3) специфицировать памятники по предметным и исследовательским направлениям.

В биографии Шаламова не так много «белых пятен». В том числе благодаря самому писателю. Теперь его творчество представлено публике достаточно полно (во многом благодаря сайту [Shalamov.ru](http://shalamov.ru)), а его жизнь воспринимается невероятно цельно. Материал документов, отражающих исторический контекст, в котором развивалась личность Шаламова, и судьбы людей, с ним связанных, нуждается не только в дальнейшей обработке и исследовании, но и в сопоставлении с прозой писателя. Документы из «Шаламовского корпуса» следует

октябре 2010 г. благодаря запросу, сделанному им в ПермГАНИ, а также профессиональной и оперативной работе сотрудников данного архива. Протокол допроса В.Т. Шаламова из дела В.Д. Фарфаровского был упомянут 16 июня 2011 г. директором Мемориального центра истории политических репрессий «Пермь-36» В.А. Шмыровым в его докладе «Вишерлаг “эпохи Шаламова”» на секции «Шаламов и советская история» международной конференции «Судьба и творчество Варлама Шаламова в контексте мировой литературы и советской истории», проходившей 16–19 июня 2011 г. в Москве и в Вологде (см.: URL: <http://shalamov.ru/events/23/1.html>; 22. 01. 2014).

осмыслить, в том числе в модусе таких проблем, как становление и развитие социо-культурного феномена советского студенчества и шире – молодежи, формирование политики Советской власти в сфере образования, роли и функций высших учебных заведений. Применительно к личности и биографии Шаламова интересными являются такие аспекты первой из указанных проблем, как его образовательная мотивация, его окружение в студенческие годы, его принадлежность к молодежным группам, суб-культурам и течениям, его увлечения и досуг. Безусловно, отдельной темой является участие Шаламова в общественно-политической жизни, приведшее его в сталинские лагеря.

Семнадцатилетний Варлам Шаламов вышел из среды приходских священников, которые несли народу первые начатки грамотности, знаний и духовности⁹⁰. В этом есть что-то от «доуниверситетского» Средневековья, во времена которого быть грамотным человеком прежде всего означало принадлежать к духовенству или иметь корни в его среде, или обучаться при храме или в доме священника. Предки Шаламова по мужской линии, начиная от прапрадеда писателя, Максима Харлампиевича, происходили как раз из того низового слоя русской интеллигенции (так охарактеризовала род Шаламовых И.П. Сиротинская), напрямую не связанной ни с традициями дворянского образования, оплотом которого были домашнее воспитание и элитные учебные заведения, ни с университетами, где науки постигали по преимуществу разночинцы.

Духовное образование для рядовых священников было не самоцелью, а подготавливало их к служению в самой массе народа, подчас совершенно не знакомого с какой-либо наукой, или же для миссионерской деятельности⁹¹. Подобную роль оно сыграло в судьбе Тихона

---

⁹⁰ Сиротинская И.П. 1994. 3-9.

⁹¹ Эта близость к народу, знание его интересов начисто снимает для разночинцев проблему «интеллигенция – народ», ибо интел-

Николаевича Шаламова. Помимо тяги к знаниям и несмотря на сложные взаимоотношения с отцом Варлам унаследовал от него еще и прямоту, принципиальность, целеустремленность. Натура юноши, бунтовавшая против уклада жизни, установленного и поддерживаемого в их вологодском доме Тихоном Николаевичем, отчасти примирилась с отцом, когда Варлуша (так называли в семье младшего сына) в начале 1920-х гг. водил его уже окончательно ослепшего на диспуты и проповеди. Однако то, что будущий писатель имел среди своих предков представителей светской русской интеллигенции, также сыграло свою роль в его развитии: мать Шаламова, Надежда Александровна, принадлежала к семье потомственных учителей, и сама служила в гимназии.

По окончании школы «первым учеником»⁹² Шаламов еще год прожил в родном городе. Сведения об этом обнаруживаются не только в записных книжках, воспоминаниях и прозе Шаламова, но и в материалах дела из Архива МГУ. В анкете для определения на стипендию, заполненной им 3 ноября 1926 г., Шаламов указал, что с 1923 г. временно работал в Вологде в переплетной мастерской⁹³, а в профсоюзной учетной карточке значится, что начало его временной работы в Вологде 1924 г. «Я рос в провинции, и в гражданскую войну зарабатывал клейкой конвертов для почты местной – ...то были конверты из газетной или в лучшем случае из оберточной бумаги»⁹⁴.

лигенты духовного сословия – сами народ, и никаких тайн психологии народ для них не приносит (*Шаламов В.Т.* 2013. Т. 4. 51).

⁹² Архив МГУ. Ф. 1, оп. 14 л, ед. хр. 1538/1926, л. 2^л. Копия свидетельства № 482 об окончании В.Т. Шаламовым Вологодской школы второй ступени. Согласно ей, само свидетельство было выдано 17 июня 1923 г.

⁹³ Там же. Л. 13^л.

⁹⁴ За эти подробности автор благодарит В.В. Есипова, активно работающего в «фонде Шаламова» в РГАЛИ. Они выясняются из черновой рукописи воспоминаний В.Т. Шаламова о Н.Н. Асееве, которая называется «Н. Асеев в двадцатые годы» и датирована 1963 г. (РГАЛИ. Ф. 2596, оп. 3, ед. хр. 153, л. 7).

Однако перед Варламом стоял вопрос о поступлении в вуз, в решении которого деятельное участие принял и отец Тихон, что весьма экспрессивно описано в «Четвертой Вологде». Хотя, согласно постановлениям новой власти, вступительные экзамены были отменены, но предпочтение при приеме отдавалось абитуриентам, рекомендованным к обучению различными партийными, общественными и производственными организациями⁹⁵. На последние было возложено слежение за тем, чтобы такое направление, «командировку»⁹⁶, не получили представители прежних эксплуататорских классов и их дети, а также всякие «лишенцы»⁹⁷. И только если по подобным направлениям происходил недобор, то факультет имел право объявить открытый конкурс, что случалось довольно часто. Получив «командировку» и попав в крупный город, «пролетарский» студент начала 1920-х гг., как правило, использовал полученную свободу, чтобы затеряться среди огромных городских толп и начать самостоятельную жизнь, не обременяя себя изучением наук.

Однако эти воспоминания В.Т. Шаламова относятся не к 1923 г., а к периоду Гражданской войны. Наблюдательность В.Т. Шаламова характеризует и то, как спустя десять лет он со знанием дела описывает применение крахмала: «Для того, чтобы загустить печатные краски, применяют тот же крахмал. Так делают в обойном и переплетном деле. На спичечных коробках воспламеняющаяся смесь также скрепляется клеем – крахмалом» (*Шаламов В.Т.* 1935. № 9. С. 111).

⁹⁵ Положение о высших учебных заведениях РСФСР. 2 сентября 1921 г. // СУ РСФСР. 1921. № 65. Ст. 486.

⁹⁶ Это слово, «командировка», будет широко распространено на Колыме для обозначения отдельных лагерей в системе «Дальстроя».

⁹⁷ В.Т. Шаламов свидетельствовал, что «той же осенью... все мои школьные товарищи – абсолютно все: из детей дворян, купцов, торговцев – все поступили в Ленинграде – туда, куда хотели, и на каникулы приехали в студенческих фуражках. У всех оказались какие-то связи, какие-то знакомства» (*Шаламов В.Т.* 2013. 4. 122). У Шаламовых таких знакомств не было.

В случае с Варламом все было сложнее. Вопрос о том, в какой вуз поступить, беспокоил как его самого, так и отца: им обоим было ясно, что образование нужно продолжать. Хотя ясно было также и то, что «командировку» в вуз сыну священника не дадут, «отец продолжал на что-то надеяться»⁹⁸. Однако заслуженную и к тому же блестящую характеристику Варлам все-таки получил. Правда, она вызвала неистовый гнев Тихона Николаевича⁹⁹, поскольку в ней было сказано, что его сын «имеет склонность к гуманитарным наукам»¹⁰⁰. Отец, желавший, чтобы Варлам получил медицинское образование, считал, что подобная характеристика дана его сыну специально, чтобы тот все равно не мог учиться в вузе¹⁰¹. Таким образом, ат-

---

⁹⁸ Там же. С. 121.

⁹⁹ «Я показал характеристику отцу. К моему величайшему удивлению, она привела его в бешенство, да что такое бешенство! – вызвала длительный истерический взрыв» (Там же).

¹⁰⁰ Там же. Ср.: «Юноша с ярко выраженной индивидуальностью, энергичный, сознательный, с большими запросами, пытливым умом. Отличается большим развитием; по всем предметам работает очень хорошо. Имеет склонность к естеств. наукам» (Архив МГУ. Ф. 1, оп. 14 л, ед. хр. 1538/1926, л. 3^я).

¹⁰¹ Отец усмотрел в моем школьном свидетельстве ту же руку его каких-то тайных врагов. «Теперь дураку дают нарочно такую характеристику, чтобы не поступал на медицинский. Разве я их не понимаю!»

Отец разорвал бумагу: «Неси назад. Пусть тут будет ясно сказано – к естественным наукам. Меня не обманешь!»

Вся радость от выпуска, от окончания школы улетучилась. Но – слепой отец бился в кресле в истерическом приступе, белая пена выступала на губах. Я вернулся в школу, к Куклиной.

– Вы будете гордостью России, Шаламов. Высшее гуманитарное образование раскроет ваши большие способности.

– Я поступаю на медицинский, – попросил я, – и характеристика поможет.

И она, и я, и заведующий школой Катранов хорошо понимали, что ничего не поможет.

мосфера, царившая в доме, была беспокойной, а очередные разногласия Варлама с отцом вели только к росту взаимного отчуждения: «Отец обвинял и меня, и мать – всех, кого он мог услышать и почувствовать в комнате, он ослеп уже года два назад вовсе, – упрекал, что я не хочу учиться, а мать меня защищает, лентяя»¹⁰². Более того, почти сразу стало известно, что «никаких командировок в вуз детям духовенства никакое роно давать не будет»¹⁰³.

Отец Тихон был непреклонен. Его неистовому стремлению к справедливости (он, конечно, знал о судьбах одноклассников Варлама, сумевших обойти «рогатки», расставленные для «лишенцев») мы обязаны появлением описания одной из самых экспрессивных сцен, которая между тем раскрывает растущее внутреннее противостояние двух миров, которые столкнула между собой революция:

Отец решил добиться приема у заведующего роно – того учреждения, которое занималось выдачей таких документов (командировок в вуз – *С.А.*). Я записался на прием к тогдашнему заведующему роно товарищу Ежкину. В жизни я не забуду этот визит.

Комната роно была на втором этаже присутственных мест. Ежкин принял нас стоя, сам не садясь и не сажая нас. Отец держался за мое плечо, чтоб не ошибиться – в каком направлении ему говорить, и изложил просьбу.

– Вот мой сын кончил среднюю школу. Ему не дают поступить в высшее учебное заведение, лгут в школе – из-за какой-то мести старой.

Товарищ Ежкин был возмущен до глубины души такой наглой просьбой: «Поп в кабинете!» Голос Ежкина звенел:

Не споря со мной, переписали мою характеристику, и я принес улучшенный вариант отцу (*Шаламов В.Т.* 2013. Т. 4. 121-122).

¹⁰² Там же. 122.

¹⁰³ Там же.

– Нет, ваш сын, гражданин Шаламов, не получит высшего образования. Поняли? Никто его в школе не обманывает. Поняли?

Отец молчал.

– Ну, а ты, – обратился заведующий роно ко мне. – Ты-то понял? Отцу твоему в гроб пора, а он еще обивает пороги, ходит, просит. Ты-то понял? Вот именно потому, что у тебя хорошие способности, – ты и не будешь учиться в высшем учебном заведении – в вузе советском.

И товарищ Ежкин сложил фигу и поднес ее к моим глазам.

– Это я ему фигу показываю, – разъяснил заведующий роно слепому, – чтоб вы тоже знали.

– Пойдем, папа, – сказал я и вывел отца в коридор. Всю дорогу отец молчал и вообще больше со мной не говорил на эту тему, не давал никаких советов насчет моего высшего образования¹⁰⁴.

Варламу еще предстоит вспомнить товарища Ежкина спустя три года в Москве, куда он отправится, уже не рассчитывая получить помощи от родителей, и еще раз на Колыме... уже на Левом берегу¹⁰⁵.

---

¹⁰⁴ Шаламов В.Т. 2013. Т.4. С. 122-123.

¹⁰⁵ У нас освободилось место ночного сторожа – весьма важная проблема, возможность благостного существования на длительный срок.

Сторож был вольнонаемный, вольняшка, а теперь это завидное место.

– Чего же ты не просился на это место? – спросил Иван меня вскоре после этих важных событий.

– Мне не дадут такого места, – сказал я, вспомнив тридцать седьмой и тридцать восьмой годы, когда я на «Партизане» обратился к начальнику КВЧ вольнонаемному Шарову с просьбой дать мне какой-нибудь заработок по писательской части.

– Этикетки к консервным банкам ты и то не будешь у нас писать! – радостно возгласил начальник КВЧ, живо мне напо-

Решив не жить с матерью и отцом, чье деятельное участие в его жизни с этого момента почти совершенно прекратилось, а «попытать счастья в одиночку», Шаламов отправился в 1924 г. в Москву с семьюдесятью рублями подъемных в кармане: подспорьем послужила сумма, выреченная Надеждой Александровной¹⁰⁶. На дворе стояла осень 1924 г.¹⁰⁷. Варлама сопровождала сестра его матери Екатерина Александровна, в квартире которой при Сетунской больнице¹⁰⁸ он и поселится в г. Кунцево¹⁰⁹: «Тетка была бестужевкой, с отцом она дружила с молодости, и отец доверил мою судьбу в эти надежные прогрессивные

нив беседу с товарищем Ежкиным в Вологодском РОНО 1924 года (*Шаламов В.Т.* 2013. Т. 2. 378).

¹⁰⁶ «От среднего брата осталось наследство – охотничье ружье, почти новенький бескурковый “зауэр”, и отец велел матери продать это ружье за девяносто рублей. За двадцать рублей сыну сшили две новые сатиновые рубашки-толстовки, и он уехал к тетке в Москву и поступил на завод рабочим» (*Шаламов В.Т.* 2013. Т. 1. 486). В материалах из «фонда В. Т. Шаламова» в РГАЛИ В. В. Есипов обнаружил указание на то, что для того, чтобы собрать денег на первое время, «были проданы два ружья Сергея, сшиты две рубашки мадепаламовых, перешито пальто дяди Андрея [Андрей Александрович Воробьев – брат матери В.Т. Шаламова Надежды Александровны – С.А.] (РГАЛИ. Ф. 2596, оп. 2, ед. хр. 64, л. 207).

¹⁰⁷ «По резкому звонку – электричества в доме нашем не было – открывалась обитая клеенкой дверь парадного, и я перешагивал порог своей квартиры. <...> Дверь эту я вспоминаю по двум причинам. Во-первых, именно эту дверь я затворил за собой, навсегда покинув город своей юности, дом, где я родился и вырос. Это было ветреной дождливой осенью 1924 года в листопад боярышника, березы» (*Шаламов В.Т.* 2013. Т. 4. 22).

¹⁰⁸ Сейчас Городская клиническая больница № 71. Располагается по адресу: г. Москва, Можайское шоссе, д. 14.

¹⁰⁹ Кунцево был городом до 1960 г., когда вошел в состав Москвы.

руки»¹¹⁰. Там же, в Кунцеве, Шаламов устроился на кожевенный завод Озёрского волостного комитета крестьянской общественной взаимопомощи¹¹¹, имея навык в выделке кож, чему его научил отец¹¹², и «работал там не только из-за справки, а именно желая ощутить то драгоценное, новое, в которое так верили и звали. Я пришел туда не как сейсмограф, не для мимикрии»¹¹³. Однако именно в этом, в мимикрии, станут обвинять Варлама его будущие однокашники по Университету.

---

¹¹⁰ Шаламов В.Т. 2013. Т.4. 143.

¹¹¹ До 1917 г. Озёрки административно подчинялись Горской волости Коломенского уезда Московской губернии, с волостным центром в селе Горы (ранее Горки). В октябре 1917 г. в Озёрках был сформирован Совет рабочих и крестьянских депутатов, и село стало уездным административным центром, которому подчинили пять волостей, ранее входивших в Коломенский уезд. При этом Горская волость была упразднена, а ее территория вошла в Озёрскую волость. В 1921 г. село постановлением Московского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 1 декабря 1921 г. было преобразовано в фабрично-заводской (рабочий) поселок, а постановлением Президиума Коломенского исполкома рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 6 октября 1924 г. фабрично-заводской поселок (рабочий) причислен к городским поселениям – что произошло благодаря усилиям тогдашнего председателя сельсовета И. И. Володина, стремившегося таким образом спасти местных хозяев от раскулачивания. Семнадцатого августа 1925 г. Озёркам декретом ВЦИКа был присвоен статус города и современное название. В 1929 г. за счет отделения части Коломенского района был образован отдельный Озёрский район. Московская область образована 14 января 1929 г.

¹¹² Этот факт установлен В.В. Есиповым по архивным материалам: «Конечно, работая городским священником, отец не стрелял сам (стрелял на Кадьяке). Снимал и выделывал шкуры. Научил меня выделывать шкуры – кроличьи, по народному способу, обыкновенным тестом. Только убивать ни животных, ни птиц он не мог меня научить» (РГАЛИ. Ф. 2596, оп. 2, д. 64, л. 159).

¹¹³ Шаламов В.Т. 2013. Т. 4. 422.

На заводе Шаламов работал сначала чернорабочим, затем дубильщиком¹¹⁴ и, наконец, отделочником¹¹⁵. О последнем в документах дела из Архива МГУ не сказано: Шаламов в различных анкетах указывал только специальность дубильщика¹¹⁶. В удостоверении, выданном ему на заводе для подтверждения рабочего стажа, также сказано только о профессии дубильщика¹¹⁷. Вероятно, опыт работы им был невелик (с апреля-мая по сентябрь 1926 г.), чтобы отдельно обращать на это внимание. Кроме того, заработок отделочника, как и дубильщика, был относительно высок (45 и 63 рубля, соответственно)¹¹⁸. В своих воспоминаниях о тех годах Шаламов записал, правда, что уволился с завода еще зимой 1926 г., тогда как по документам он продолжал трудиться вплоть до поступления в вуз. Возможно, он указал столь ранний срок начала своей трудовой деятельности, чтобы «застарить» рабочий стаж, который мог показаться незначительным, укажи он только работу на заводе в Кунцеве. Так, в опросном листе, заполнявшемся каждым абитуриентом Университета, значится: «С 1923 года учился и работал в больнице и кож. заводе Озерского

---

¹¹⁴ Архив МГУ. Ф. 1, оп. 14 л, ед. хр. 1538/1926, л. 12^{об} (с 11 марта 1925 по 25 мая 1926 г.), л. 7^л (указано, что работал дубильщиком по 12 апреля 1926 г.), л. 17^л (указано, что работал дубильщиком по 20 мая 1926 г.).

¹¹⁵ Шаламов В.Т. 2013. Т. 4. 423.

«Младший сын посылал деньги домой, но помалу, рублей по пяти, по десяти в месяц...» (Шаламов В.Т. 2013. Т. 1. С. 486).

¹¹⁶ Архив МГУ. Ф. 1, оп. 14 л, ед. хр. 1538/1926, л. 5^л, л. 12^{об}, л. 17^л.

¹¹⁷ Там же. Л. 7^л.

¹¹⁸ «Восьмирублевая ставка ликвидатора неграмотности сменилась ставкой чернорабочего на заводе – 21 рубль в месяц. Когда я перешел в цех, то как дубильщик получал 45 рублей, а попозже как отделочник и 63 – по девятому разряду тарифной сетки. Никакой сдельщины не было тогда. Работали строго восемь часов. 45 рублей зарплаты дубильщика дали мне возможность посылать домой, и покупать одежду, и платить за стол» (Шаламов В.Т. 2013. Т. 4. 424).

Вол<остного> Ком<итета> Кр<естьянского> Общ<ества> Взаим<опомощи>»¹¹⁹, хотя известно, что в 1923 г. юный Варлам находился еще в Вологде.

Шаламов дважды обращался в стипендиальную комиссию 1-го МГУ с просьбой о назначении ему стипендии. Как студент, не имевший постоянных доходов, а также в виду нетрудоспособности родителей, он был освобожден от платы за обучение¹²⁰. В первый раз Шаламов подал заявление о зачислении на стипендию 3 ноября 1926 г.¹²¹, но оно было отклонено¹²², вероятно, потому, что комиссия посчитала, что денег, заработанных им на заводе, наверное, будет достаточно на первое время¹²³. Шаламовым было представлено удостоверение месткома профсоюза Сетунской больницы, полученное им также 3 ноября того же, 1926 г., в котором сказано: «Шаламов Варлам Тихонович проживает у родственников – фельдшерицы Сетунской больницы М.У.И.К., в Кунцеве – безработный, живет мелкими случайными заработками, очень нуждается»¹²⁴. В 1927 г. Шаламов стал испытывать серьезные материальные затруднения: он получал лишь профсоюзную стипендию (15 рублей)¹²⁵, которой было недостаточно, чтобы поддерживать себя. Во второй раз на поданное им 30 мая 1927 г.¹²⁶ заявление стипендиальная комиссия отозвалась положительным ответом и удовлетворила просьбу Шаламова: он был зачислен на стипендию (25 рублей)¹²⁷

---

¹¹⁹ Архив МГУ. Ф. 1, оп. 14 л, ед. хр. 1538/1926, л. 5^л.

¹²⁰ Там же. Л. 13^л.

¹²¹ Там же. Л. 14^л.

¹²² Там же. Л. 13^л.

¹²³ В опросном листе для поступающих в вузы В.Т. Шаламов на вопрос: «На какие средства живете и получаемый вами оклад по службе» ответил: «Получал 10^й разряд – Р. 53,20 [пятьдесят три рубля двадцать копеек – С.А.] в месяц» (Там же. Л. 5^{об}.)

¹²⁴ Там же. Л. 8^л.

¹²⁵ Там же. Л. 12^л.

¹²⁶ Там же. Л. 13^л, 16^л.

¹²⁷ Там же. Л. 17^л.

с 1 июня 1927 г.¹²⁸. Однако уже 28 июля он был снят со стипендии в связи с появившейся информацией о его не-пролетарском происхождении (см. ниже).

В больнице Шаламов выполнял общественную нагрузку, работая в культкоме этого лечебного заведения и одновременно занимаясь ликвидацией неграмотности (с 15 марта 1925 по 20 мая 1926 г.)¹²⁹: «учил взрослых, санитарок в больнице два раза в неделю за восемь рублей в месяц»¹³⁰. Искреннее стремление Варлама, всегда тяготевшего к познанию, к литературе, к чтению участвовать в этой кампании отразилось в его характеристике «Декрета о ликвидации безграмотности» от 26 декабря 1919 г.¹³¹. Он писал, что это был «самый самодеятельный декрет советской власти. <...> С неграмотностью действительно боролись, самодеятельно и добровольно, и платные учителя, как я, но результатов это не могло дать за десять лет и не только потому, что Новгородская губерния или Чердынский уезд – не Москва, а из-за гораздо более коварного обстоятельства – так называемых рецидивов неграмотности»¹³². Но одновременно Шаламовской характеристикой этого документа было и то, что он представлял собой «след той же романтической догматики, которая владела всеми умами. Завтра – мировая революция – в этом были убеждены все. На фоне этого срок десятилетнего плана борьбы с неграмотностью вовсе не казался преувеличением. Во всяком случае, я работал по ликвидации не-

---

¹²⁸ Там же. Л. 13^л.

¹²⁹ Там же. Л. 12^{об}.

¹³⁰ *Шаламов В.Т.* 2013. Т. 4. 423.

Одновременно В.Т. Шаламов работал секретарем рабоче-крестьянского контроля (РКК) и уполномоченным завкома завода по ведению культурно-просветительской работы, а также состоял в производственной комиссии (Архив МГУ. Ф. 1, оп. 14 л, ед. хр. 1538/1926, л. 6^л).

¹³¹ Декрет СНК о ликвидации безграмотности среди населения РСФСР // Декреты Советской власти. М., 1974. Т. 7. С. 50–51.

¹³² *Шаламов В.Т.* 2013. Т. 4. 423.

грамотности со всем энтузиазмом и верой»¹³³. Будучи убежденным в правильности этой догматики, Шаламов станет и ее последователем, и ее жертвой.

Оказавшись в Москве, Шаламов попал, по его словам, «в ту самую волну свободы, которой дышал 17-й год. Каждый считал своим долгом выступить еще раз в публичном сражении за будущее, которое мечталось столетиями в ссылках и на каторге»¹³⁴. Это высказывание, обращенное в прошлое, следует запомнить...

В других «нескольких своих жизнях» Шаламов будет возвращаться к этим временам. Так, в 1943 г. во время очной ставки с лжесвидетелем Кривицким он выскажется вполне определенно: «Что это за постановка вопроса коммунистической партии и сов. власти, говорить ничего нельзя, писать тоже, а если выскажешь что-либо антисоветское, тебя сразу же арестовывают. То ли дело было в период троцкистских дискуссий в 1923–26 годы, что хочешь говори, что хочешь пиши, каждый человек свободно высказывал свои убеждения. Вот это была настоящая жизнь. Таких времен нам больше не видать»¹³⁵.

Выходец из народной интеллигенции, Варлам, как уже говорилось, пытаясь влиться в новую для него жизнь, стремился испытать переделывающее душу человека влияние среды, став рабочим. «Это принципиальное положение из догм приводило к высшей степени парадокса — “рабочему станку”»¹³⁶. Это слово, «станок», еще появится опять-таки в контексте изменения внутреннего мира и убеждений Шаламова. Его честность перед самим собой проявилась уже тогда. Его всегда искренние, далекие от приспособленчества стремления привели к тому, что он

---

¹³³ Там же. С. 132. Это чувство передано в стихотворении, которое тоже можно назвать документом, — «Воспоминание о ликбезе» (см.: Там же. Т. 3. 426–427).

¹³⁴ Шаламов В.Т. 2013. Т. 4. 422.

¹³⁵ Следственное дело 1943 года // Шаламов В.Т. 2004. 1011. Ср.: Там же. 993–995, 998, 1000, 1010, 1014–1015, 1023.

¹³⁶ Шаламов В.Т. 2013. Т. 4. 423.

убедил себя в необходимости социально перековаться, попробовать жить той рабочей жизнью, которая провозглашалась основой нового общества.

Став дубильщиком на «кандидатском заводе», кадры которого составляли бывшие нэпманы, кустари или дети кустарей (кандидаты в пролетарии – отсюда название «кандидатский»), Шаламов столкнулся с ситуацией «хронического безделья – не было сырья, бойня не давала продукции такому крошечному, да еще подозрительному социально заводу»¹³⁷. Безделье усугублялось тупыми запретами отлучаться с предприятия: «Даже во время безработицы нам не разрешали уезжать в Москву – мы должны были высидеть часы на месте. Оплата таких простоев была полностью»¹³⁸.

Как видно, финансовое положение Варлама в то время было вполне устойчивым. Однако атмосфера, царившая на заводе, шла вразрез с его интеллектуальными потребностями и надеждами, которые невозможно было удовлетворить в этой псевдопролетарской обстановке: «Я понимал, что опаздываю, что завод не дает мне ничего, кроме физической усталости, что пропуск, разрыв между образованием становится все больше, все меньше надежд на исправление»¹³⁹. Трудность состояла еще и в том, что молодому человеку из провинции некому было помочь, наставить и поддержать: «Тетка, у которой я жил в Кунцеве, не вошла в мою жизнь ни единым словом совета, желания, требова-

---

¹³⁷ Там же. С. 131. Ср.: «Притом я убедился, что никакого рабочего духа в мою психологию не попало после этих лет, абсолютно не нужных, на кожевенном заводе. То ли именно мне не нужна была такая школа, то ли сам полукустарный заводик не обеспечивал духовных кондиций, необходимых для переделки человека, – не знаю. Я чувствовал только потерянное время, угрожающее изломать навек мою жизнь, уже вошедшую в чтении, в лекциях в духовную жизнь страны и столетия» (*Шаламов В.Т.* 2013. Т.4. 427-428).

¹³⁸ *Шаламов В.Т.* 2013. Т.4. 424.

¹³⁹ *Шаламов В.Т.* 2013. 426.

ния. <...> Молодежь у нее собиралась, но обычного гитарного рода, не более»¹⁴⁰. Он тяготился компаниями, собиравшимися на квартире у тетки и на заводе, и бежал из Кунцева в Москву: «Все мои решения, мой план жизни был выработан мною самим без единого советчика во время движения поезда Кунцево – Москва»¹⁴¹.

Одновременно Шаламов понимал, что полученное им в Вологде образование было, по его собственным словам, ненастоящим. Нужно было вырваться из Кунцева и твердо обосноваться в Москве. Средством к этому стала прописка на Садовой-Кудринской улице у сестры Галины¹⁴²: «Тогда не было паспортов, и профсоюзный билет был документом, заменяющим все другие удостоверения личности. По профсоюзному билету меня и прописывали. Но у сестры можно было спать, но ведь не сидеть до утра, тем более что она жила с мужем неладно»¹⁴³.

Варлам занялся самообразованием и столкнулся со всеми минусами, которые отличают этот род занятий. Нужно было знать школьную программу в том объеме, в каком это требовалось для поступления в вуз. Спасением оказались курсы подготовки, подобные тем, которые упоминаются в воспоминаниях Стратонова. То, что это было (и по сей день остается) конъюнктурным заведением, Шаламов вполне отдавал себе отчет: «Курсы были халтурным предприятием, но вели их московские учителя, применяясь к самым новейшим требованиям. Каждому по окончании выдавалась бумажка с печатью об

---

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Галина Тихоновна Шаламова (в первом браке Кускова, во втором – Сорохтина) (ум. 1987).

¹⁴³ Впервые в документах этот адрес – Садово-Кудринская (так!), д. 19, кв. 14 – как постоянное и последнее местожительство будет указан в протоколе допроса от 19 февраля 1929 г., хранящегося в следственном деле № 70756 в Архиве ФСБ России (Следственное дело 1929 года // *Шаламов В.Т.* 2004. 949).

окончании курсов, и эта бумажка играла свою роль тогда – бумага эта говорила, что ее владелец хочет учиться, а не просто командирован, и не бросит учебы»¹⁴⁴. Свое желание учиться Варлам подтвердит, уже находясь в Университете, когда он будет просить о стипендии¹⁴⁵. Но для обучения как на курсах, так и в вузе были нужны деньги: в первом случае для оплаты¹⁴⁶, во втором – для того, чтобы просто не умереть с голоду.

На курсах Шаламов встретился с другой молодежной публикой, нежели с той, с какой ему приходилось сталкиваться у тетки: «все слушатели курсов были москвичами, и это еще более укрепляло доверие к этим странным документам»¹⁴⁷. Там Варлам обрел первого друга в своей московской жизни – Лазаря Шапиро (1903 – 1943 гг.). Оба написали выдающиеся среди общей массы слушателей своей группы сочинения по литературе. Получивший «четверку» Шапиро (в отличие от советской системы оценок знания на курсах применялась старая гимназическая пятибалльная шкала¹⁴⁸) обратился к преподававшей на них русский язык и литературу Ольге Моисеевне Коган с вопросом:

– Вот вы поставили Шаламову пять, а мне четверку. Чем вы руководствовались в таком различии? Я поверил, у меня так же, как и у Шаламова, все запятые на месте. Не можете ли вы обосновать свое решение?

---

¹⁴⁴ Шаламов В.Т. 2013. Т. 4. 428.

¹⁴⁵ «Прошу дать мне стипендию. Средств к существованию не имею. Учиться хочу. В. Т. Шаламов» (Архив МГУ. Ф. 1, оп. 14 л, ед. хр. 1538/1926, л. 14^н).

¹⁴⁶ «Это были курсы платные, трехмесячные, и плата была большая, что-то рублей семь в месяц. Платить нужно было вперед» (Шаламов В.Т. 2013. Т. 4. 428).

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ «Отметки я вам расставляю по пятибалльной дореволюционной системе, – сообщила Коган. – Это и для меня, да и для вас важно. Приспособить четверку к тройке можно всегда без труда» (Там же. 429).

Коган встала и объяснила, охотно углубляясь в предмет, что представляет собой искусство, литература, – о постижении этого неуловимого [нрзб].

– Вы хотите сказать, что у Шаламова есть литературный талант?

– Да, – сказала Коган.

После этого мы стали с Шапиро друзьями¹⁴⁹.

III

Оба друга в 1926 г. сдавали экзамен на факультет советского права¹⁵⁰. Правда, Шаламов поступил сразу в два московских вуза – по направлению от завода в Московский текстильный институт (основан в 1919 г.)¹⁵¹ и в 1-й МГУ по открытому конкурсу, для чего он и вынужден был скрыть свое настоящее социальное происхождение, не позволявшее ему обучаться в советском

---

¹⁴⁹ Там же. 429-430.

¹⁵⁰ После первого курса Шапиро начал заниматься на хозяйственно-правовом отделении нового факультета, а В. Т. Шаламов – на судебном. Однако жизнь не развела их окончательно: «Мы встретились снова в оппозиции. Никакого влияния тут не было, на нас обоих влияло одно и то же: век, время. Москва» (Там же. 430).

¹⁵¹ «Не раз мне случалось писать письменные работы по литературе за себя и за своего друга Германа Щеглова – я успевал, и обе работы, написанные мной же, но разными почерками, получали зачеты по высшему баллу, то есть «весьма удовлетворительно». Этот способ использовал я последний раз на приемных экзаменах в Текстильный институт, куда я поступал вместе со своим приятелем Кальварским и за зачетное время действительно написал две разные работы, и обе получили «удв». Потом, поскольку у меня успешно шла сдача приемных испытаний в Московский университет – на факультет советского права, я взял документы из Текстильного института обратно» (*Шаламов В.Т.* 2013. Т.4. 145). См также: *Сиротинская И.П., Есинов В.В.* Биография (URL: <http://shalamov.ru/biography>; 22. 01. 2014).

вузе как сыну священника¹⁵². Дома, в Вологде, знали о намерениях и успехах Варлама: «В 1926 году, когда я поступил в университет, отец молился на коленях всю ночь. Но, как всегда, напрасно»¹⁵³.

Почему выбор Шаламова, увлекавшегося литературой, пал не на этнологический факультет, где существовало литературное отделение, а на юридический? Кроме того, на курсах он получил «весьма удовлетворительно» по математике, и его преподаватель отмечал определенно имевшиеся у него математические способности¹⁵⁴.

Сам Шаламов нигде не писал о том, что стало для него мотивом обучаться юриспруденции. Вероятно, представления о справедливости, о свободе воплощались, по его мнению, в еще только формировавшихся тогда советских правовых понятиях, узаконивавших собой высшие достижения революции. И, конечно, в этих взглядах было много романтики, мешавшей разглядеть глубину разрыва между идеалами и действительностью, в которой эти идеалы преобразились, как в кривом зеркале, настолько, что начинали мешать тем, кто смотрел на эту жизнь с прагматических позиций. Полное осознание придет к Шаламову позже, и он напишет, что 1920-е г. были эпохой «зарождения всех благодетней и всех преступлений будущего»¹⁵⁵. Другим фактором, который

---

¹⁵² Архив МГУ. Ф. 1, оп. 14 л, ед. хр. 1538/1926, л. 1^л, 5^л, 12^л.

¹⁵³ Шаламов В.Т. 2013. Т. 4. 123.

¹⁵⁴ «По физике, по математике я подогнал НАСТОЛЬКО основательно, что осенью того же года на экзамене в МГУ получил вуд по математике вместе с лестным вопросом, почему я не иду на физмат при столь ярко выраженных математических способностях. Я хотел объяснить экзаменатору психологию моего эффекта – эмоциональное напряжение после трехлетнего ожидания, эмоциональный подъем, разрядка в нужный момент, хотел объяснить, что за этим эффектом ничего нет к физическим наукам – ни любви, ни уважения. Но счел нужным промолчать» (Шаламов В.Т. 2013. Т.4. 428-429).

¹⁵⁵ «Года два назад журнал «Знамя» предложил мне написать воспоминания “Двадцатые годы”, Москва 20-х годов. Я напи-

определял общественные взгляды Шаламова, был его интерес к мировой революции; отчасти этим он также объясняет свою тягу к юридической науке: «естественным образом это движение сливалось в течение, *кружилось близ скал новой государственно-сти* [курсив мой – С.А.]»¹⁵⁶.

Умудренных академическим опытом профессоров начала 1920-х гг., защищавших Университет от разрушения, в Богословской аудитории и в залах Консерватории сменили разношерстные в социальном отношении юнцы, не желавшие учиться, но стремившиеся спорить и в спорах пробивать дорогу к пониманию самой сути вещей:

Обсуждали не формы брака, обсуждался сам брак, сама семья – нужна ли она. Или детей должно воспитывать государство и только государство. Нужны ли адвокаты при новом праве. Нужна ли литература, поэзия, живопись, скульптура... И если нужны, то в какой форме, не в форме же старой <...> Спорили в университете. Но еще больше спорили в общежитиях – иногда до утра. В общежитиях медиков спорили меньше, много спорили математики. И особенно оба гуманитарных факультета – советского права и этнологический, – куда входили литературное и историческое отделения. Тут просто разрывали на части. Популярных ораторов еще не было среди молодежи. Но, конечно, кое-какие фамилии уже начали выделяться на этом остром фоне: Мильман, Володя Смирнов, Арон Коган. Все они кончили ссылкой¹⁵⁷.

сал пять листов за неделю. Тема – великолепна, ибо в двадцатых годах зарождение всех благодетий и всех преступлений будущего. Но я брал чисто литературный аспект. Печатать эту вещь не стали, и рукопись лежит в журнале по сей день» (В. Т. Шаламов – А. И. Солженицыну (1 ноября 1964 года) // *Шаламов В. Т.* 2004. 659).

¹⁵⁶ *Шаламов В. Т.* 2013. Т. 4. 431.

¹⁵⁷ *Шаламов В. Т.* Там же. 434.

Если атмосфера и дух, царившие в Университете, к которым так стремился Шаламов, переданы в его прозе спустя много лет с теми же переживаниями, что и в молодости, то бытовая сторона дела, повседневность, в которую перерастала борьба и противостояние между студентами различного социального происхождения, столкновение их взглядов на жизнь, а также методы этой борьбы, лучше раскрывают документы его личного университетского дела. Несколько аспектов жизни писателя переплетаются в этих материалах. В чем, помимо курсов и экзаменов, выражались усилия Шаламова, предпринятые им самим и Лазарем Шапиро для того, чтобы попасть в Университет? Как сокрытие собственного социального происхождения и изложение им обстоятельств жизни в Кунцеве и в Москве повлияли на раскрытие его деятельности в оппозиции, что, как известно, в феврале 1929 г. привело его в Бутырскую тюрьму?

Между вопросами будущего и практикой строительства Советского государства уже наметилась серьезная трещина. Шаламов не нашел в Университете рассадника новой культуры и исследовательского центра. Воспоминания Стратонова вполне дают понять, почему этого не произошло. Кроме того, манящая литературная жизнь Москвы все больше увлекала Шаламова со студенческой скамьи в пучину диспутов ЛЕФа и ОПОЯЗа. Университет же, наоборот, дал понимание того, что теория марксизма и революции глубоко расходится с тем, как это учение стало преподноситься в официальной печати и с университетской кафедры. С другой стороны, Университет, как и всегда, манил к себе наиболее самостоятельно мыслящих молодых людей, оставаясь символом и отчасти оплотом свободной мысли.

Тут не было ничего от быта и очень много от *догмы*, да еще от того острейшего чувства, что ты присутствуешь и сам участник какого-то важного поворота истории, да не русской, а мировой. Самым естественным образом это движение-течение вольно клокотало в уни-

верситете, в высших учебных заведениях, в вузах тогдашних. В вузы поступали тогда не потому, что искали образование, специальность, профессию, но потому, что именно в вузах штурмующие небо могли найти самую ближнюю, самую подходящую площадку для прыжка в космос. Штурмовали небо именно в вузах, [там] была сосредоточена лучшая часть общества. От рабочих и крестьян их лучшие представители, от дворян и буржуазии те конрады валленроды, которые взяли знамя чужого класса, чтоб под ним штурмовать небо. <...> Ничего в этом особенного нет, но уже в первые годы революции была поставлена *догматическая* задача – найти кадры из самих рабочих. Это только осложнило штурм неба. Переступить порог университета – значило попасть в самый кипящий котел тогдашних сражений; <...> велись споры о будущем, намечались какие-то еще не уверенные, но явно реальные планы мировой революции. Я был участником огромной проигранной битвы за действительное обновление жизни. <...> Конечно, государство никто не умел строить. Не только государство подвергалось штурму, яростному беззаветному штурму, а все, буквально все человеческие решения были испытаны великой пробой. <...> Каждому открывались такие дали, такие просторы, доступные обыкновенному человеку! Казалось, тронь историю, и рычаг повертывается на твоих глазах, управляется твоею рукою. Естественно, что во главе этой великой перестройки шла молодежь. Именно молодежь впервые призвана была судить и делать историю. Личный опыт нам заменяли книги – всемирный опыт человечества. И мы обладали не меньшим знанием, чем любой десяток освободительных движений. Мы глядели еще дальше, за самую гору, за самый горизонт реальностей¹⁵⁸.

В этом уже осознанном с годами свидетельствование-воспоминании, записанном Шаламовым в 1960-е гг. о вре-

---

¹⁵⁸ Шаламов В. Т. Там же. 431-432.

менах своей молодости, отчасти скрыто объяснение его противостояния с однокурсниками, принадлежавшим к иным, нежели он сам, социальным группам, а также способов социализации и коммуникации в среде тогдашней молодежи, воспоминание о традициях прежнего студенчества и даже причины слабости социальной базы «левой оппозиции». Оппозиция эта была не столько троцкистская, хотя, безусловно, Троцкий был ее знаменем, сколько романтически-народническая, в своих идеалах и методах борьбы архаичная для второй половины 1920-х гг.

...для Ленина все было более вопросом власти, создания практической опоры, для нас же это было воздухом, которым мы дышали, веря в новое и отвергая старое¹⁵⁹.

Сочетание идеалов романтики с романтической же практикой, построенное на научной схеме, дало путь тирании, обладавшей к тому времени бóльшим историческим багажом, чем искания, ошибки и надежды еще не появившегося нового общества. Последнее одновременно жило романтической же догмой (последнее слово, как видно, часто использовалось Шаламовым при описании того времени) и отрицанием прошлого. За тиранией стоял опыт тысячелетий, показывавший, что ей есть место и в восточной деспотии, и в греческом полисе, и в средневековой республике. Представители некрепкого рабочего класса и крестьянства, дезориентированные царскими реформами и революциями, а также осколки прежней буржуазии и интеллигенции должны были переплавиться в таком котле, который представляли собой Москва в целом и Университет 1920-х гг., в частности. Здесь Шаламов столкнулся с теми, кто в отличие от него и его друга Лазаря Шапиро, видели своей задачей не коренное преобразование мира, а простое приспособление. «Приспособленцы» вполне эффективно использо-

---

¹⁵⁹ Там же. 432.

вали их в качестве оружия, чтобы смести со своего пути, ставшего генеральной линией, «догматических романтиков». Первые по-своему творчески подошли к действительности, тогда как вторым был нужен идеал, космос, штурм неба... История была осуждена и отброшена, как сама по себе, так и институционально, что выразилось, как известно, в ликвидации в 1921 г. всех историко-филологических факультетов. Но для слома традиционных ментальных и социальных структур у тех, кто не хотел приспособливаться, угадывать и угождать, было не достаточно сил.

Университет «осовечивался», что выразилось в том, что новые, уже упомянутые выше структуры, появившиеся в нем, активно использовались отдельными студентами в качестве начальных ступенек их собственной карьеры, задачи которой далеко не всегда переплетались с общегуманистическими целями, которыми корпорация руководствовалась в своей практике в прежние годы. Шаламову было суждено пройти по всем этим изломам, столкнувшись как с молодыми идеалистами, так и с карьеристами.

Однако бытовые сложности существовали, как бы романтики ни хотели их не замечать и обсуждать. Например, перед Шаламовым, так стремившимся к полной независимости и не желавшим более жить ни у тетки, ни у сестры, встала и проблема жилья. Скрыв московскую прописку так же, как и свое происхождение, он поселяется в общежитии 1-го МГУ в Большом Черкасском переулке, дом 7, квартира 72, комната 7¹⁶⁰. Там Шаламов прожил вплоть до своего исключения из Университета 13 февраля 1928 г.¹⁶¹. Анкетные документы позволяют увидеть, как Шаламов по совету находчивого Шапиро

---

¹⁶⁰ Архив МГУ. Ф. 1, оп. 14 л, ед. хр. 1538/1926, л. 12^л. В заявлении студентов о неподобающем поведении в общежитии В.Т. Шаламова и его друзей, составленном в феврале 1928 г. (см. ниже), номер комнаты указан как 7^б (Там же. Л. 18^л).

¹⁶¹ Там же. Л. 22^л.

утиал те факты своей биографии и настоящего положения, которые позволили ему участвовать в экзаменах и получить место в общежитии, а также необходимую независимость от родственников. Ради успеха друзьям пришлось дойти до самого наркома Луначарского¹⁶².

Решив поступать в 1-й МГУ, Шаламов делает, вероятно, по почте запросы о высылке ему копий необходимых документов о рождении и образовании¹⁶³, которые с большой долей вероятности можно датировать апрелем-июнем 1926 г. Благодаря им становится известно, когда были выданы утраченные ныне подлинники. Одновременно он получает нужные рекомендации и удостоверения по месту работы от завкома кожевенного завода¹⁶⁴, а в Сетунской больнице – также справку о состоянии здоровья¹⁶⁵. Наличие открытого конкурса в 1926 г. на вновь образованный факультет советского права показывает, что приемная комиссия не набрала нужного числа заявлений от различных партийных, советских и прочих организаций.

В отличие от своих школьных учителей, Шаламов не упоминает фамилии ни одного университетского преподавателя (за исключением Вышинского, что в небольшой степени обусловлено тем положением, которое занимал Андрей Януарьевич в последствии), не передает своих ощущений от лекций и других занятий. Пожалуй, единственным воспоминанием об учебных буднях является следующее:

---

¹⁶² «Я был принят в университет, но без общежития, как москвич, и жилье, крыша сразу стало трудной, неотложной проблемой. Шапиро лучше меня знал всю бюрократическую иерархию, куда надо было обращаться за отказом, – он тоже был москвичом и ускорил наше хождение до необходимого предела» (*Шаламов В.Т.* 2013. Т. 4. 430).

¹⁶³ Архив МГУ. Ф. 1, оп. 14 л, ед. хр. 1538/1926, л. 2–4.

¹⁶⁴ Там же. Л. 6, 7.

¹⁶⁵ Там же. Л. 10^л.

На первом курсе мне удалось написать работу о советском гражданстве, обратившую на себя внимание не только руководителя семинара, но о научной работе я в этой бурлящей, закипающей каше и думать не хотел [курсив мой – С.А.]¹⁶⁶.

В 1927 г., окончив первый курс и добившись, как уже было показано выше, стипендии, Варлам навещает родителей в Вологде¹⁶⁷. Там на улице Каменный мост происходит одна из роковых, но тогда казавшаяся просто случайной, встреч в жизни Шаламова с его сокурсником Коробовым. С нее началось как «разоблачение Шаламова», так и процесс его исключения из Университета. Эта встреча имела место вероятнее всего в начале июля, поскольку из письма, написанного Коробовым 20 июля некоему Антону, ясно, что еще до этого послания существовала не сохранившаяся до наших дней открытка, содержание которой, как видится, было его краткой квинтэссенцией¹⁶⁸.

Письмо Коробова содержит не только ярко негативную и предвзятую характеристику однокашника, но

---

¹⁶⁶ Шаламов В.Т. 2013. Т. 4. 434.

¹⁶⁷ Это первый приезд В. Т. Шаламова в родной город после того, как он покинул его в 1924 г. Второе посещение, случившееся в 1929 г., было весьма специфично. Вот как его описывает сам писатель: «Вагон наш то отцепляли, то прицепляли к поездам, идущим то на север, то на северо-восток. Стояли в Вологде – там в двадцати минутах ходьбы жили мой отец, моя мама. Я не решился бросить записку. Поезд снова пошел к югу, затем в Котлас, на Пермь. Опытным было ясно – мы едем в 4-е отделение УСЛОНа на Вишеру» (Шаламов В.Т. Там же. 156). Третий раз Варлам оказался в родном городе уже после Вишеры, в марте 1933 г., на похоронах отца, а в четвертый (и в последний) – в декабре 1934 г., на похоронах матери. Затем «с городом было покончено навсегда...».

¹⁶⁸ «Теперь могу сообщить тебе и о тех двух делах, о которых я намекал в прошлый раз в открытке» (Архив МГУ. Ф. 1, оп. 14 л, ед. хр. 1538/1926, л. 26).

и сообщает некоторые детали его взаимоотношений с другими студентами. Относительно своего происхождения Шаламов, как видно, четко придерживался версии, отраженной в анкетных данных, предоставленных им при поступлении в вуз, называя себя рабочим-кожевником¹⁶⁹. Скрывая свое происхождение, он, наверное, знал, как глубоко зашел тот процесс, который начался в первые годы Советской власти, когда настоящих студентов в Университете серьезно подвинули партийные карьеристы. Случай подвел черту под всеми стараниями, предпринятыми Шаламовым и Шапиро. Воистину – рано или поздно все тайное становится явным. В данном случае, конечно, к сожалению...

Подвел Шаламова лишь один пустяк: он неосторожно назвал Коробову свой вологодский адрес – Соборная гора, дом 2, квартира 2, который «сразу навел меня [Коробова – С.А.] на размышления – дом этот я хорошо знаю; что это дом соборный, поповский»¹⁷⁰. Въедливость Коробова привела к тому, что он не удовлетворился знанием места жительства своего товарища, а начал выяснять, кем были родители Шаламова: «после выяснения с рядом т. т., его знающих прекрасно, мне удалось установить, что, отец его соборный дьякон»¹⁷¹,

---

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ В вологодской газете «Премьер – новости за неделю» в 2002 г. была опубликована фотография, найденная местным собирателем Г. Белинским на чердаке одного из старых домов Вологды, на которой, как указывает автор статьи, в числе преподавателей и выпускников Вологодской Пастырской Богословской школы запечатлен Т. Н. Шаламов. Фотография датируется 1925 г., то есть как раз тем временем, когда его сын Варлам находился в Москве. На карточке отец Тихон в священническом облачении и с наперсным крестом (*Бялик С.* 2002. 12. 06. 2002. № 22 (248)). В Вологде с осени 1922 до середины 1920-х гг. действовало православное женское училище для подготовки к «служению в церкви Божией в качестве руководительниц церковного пения (хорового и народного) в

самый реакционный и контр революционный, сидевший в Соловках и сопротивлявшийся в былое время изъятию церковных ценностей»¹⁷². Это указывает на то, что Коробов в начале соврал о том, что он хорошо знал этот дом. И это не странно, поскольку сам Коробов был родом не из самой Вологды, а из села. Поэтому-то ему и понадобилось «выяснение». Осведомленность самого Коробова – откровенная ложь, как и то, что отец Тихон никогда в акциях подобных тем, о которых писал однокашник его сына, не участвовал и на Соловках не сидел.

Мотивы праведного гнева становятся понятны из дальнейших строк письма, показывающих, как, по выражению Стратонова, «новые хозяева университета»¹⁷³ наводили в нем свои порядки:

Насколько мне известно, этот “рабочий-кожевник” (эти слова подчеркнуты прямой линией простым карандашом, тем же, что написано само письмо; вероятно, самим Коробовым – С. А.) живет в Черкасском общежитии – во-первых и получает стипендию – во-вторых. Моя к тебе просьба выяснить факт – получает ли он стипендию – я же не могу довериться своей памяти – и почему и затем как он указывал свое положение и происхождение при поступлении в ВУЗ. С нашей стороны будет весьма нечестно, если мы не откроем перед

приходах, особых ревнительниц чистоты, порядка и благолепия в храмовых помещениях, активных сотрудниц в миссионерской и благотворительной работе на местах и воспитательниц в своих семействах». А в 1921–1924 гг. в Вологде работала пастырская школа для подготовки кандидатов к принятию священного сана, которая, вероятно, и имеется в виду в статье. Предпринятая православной общественностью в 1928 г. попытка возобновить деятельность духовной школы или организовать богословские курсы окончилась безрезультатно (URL: <http://vologda-eparhia.ru/about/history/xx-vek>; 22. 01. 2014; см. также: Спасенкова И.В. 1999. 287-290).

¹⁷² Архив МГУ. Ф. 1, оп. 14 л, ед. хр. 1538/1926, л. 26.

¹⁷³ Стратонов В.В. 1992. 417.

организациями Университета “проделки Скапена”. Узнай, сообщи и мы вместе со студентом III курса международного отделения Писконкелем – напишем заявление. Только до-поры до-времени, чтобы это не было всеобщим разговором среди ребят знающих Шаламова, пока не уместно и не удобно»¹⁷⁴.

Этот взрыв пролетарского негодования вылился в целое расследование, закончившееся исключением Шаламова из Университета: молитва отца Тихона за сына не достигла престола всевышнего.

Коробов был последователен и упорен в своем стремлении вывести Шаламова на чистую воду и не дать ему получить высшее образование, став тем самым эпигоном другого своего земляка, товарища Ежкина, который обещал Шаламову то же самое и там же, в Вологде, три года назад. Итак, уже в начале нового 1927/1928 учебного года, 24 сентября, Коробов пишет следующее заявление во фракцию ВКП (б) Университета, на которую, как видно, была возложена функция внутриуниверситетской политической полиции¹⁷⁵:

Настоящим прошу выяснить социальное происхождение и положение по документам, находящимся в Университете, студента Совправа судебного отд. II курса гр-на Шаламова В. За время пребывания в прошлом 1926-27 уч. году в одной семинарской группе с тов. Шаламовым мы все считали, что он рабочий, так как он выдавал себя за такового. Мне известно, что он в

---

¹⁷⁴ Архив МГУ. Ф. 1, оп. 14 л, ед. хр. 1538/1926, л. 26.

¹⁷⁵ Произошло то, чего так боялся в 1911 г. ректор А.А. Мануйлов, не давший появиться в Университете органам царской охраны. О создании на факультете советского права групп, «дружин», партийных студентов, которые должны были выявлять в рядах учащихся сторонников «левой оппозиции», упоминает в своих воспоминаниях и И.М. Павлов (*Павлов И.М.* 2001. 68-70, 72-73, 84-85, 89-90).

прошлом году получал стипендию и пользовался общежитием. В прошлом учебном году Шаламов не вызывал подозрений по своему поведению в группе. Однако, летние каникулы дали возможность случайно установить социальную принадлежность Шаламова. Я каникулы провел в г. Вологде и неожиданно встретил там же Шаламова. Был поражен этим обстоятельством потому, что в беседах с ним я говорил ему, что я Вологодский. Он же в Университете, в группе и беседах со мною назывался рабочим-кожевником какого-то подмосковного завода. Факт встречи в Вологде мне показался подозрительным и тем более тогда, когда Шаламов сказал мне при встрече, что он Вологодский уроженец и что адрес его жительства “Соборная гора, дом 2 кв. 2”. Я очень хорошо знал, что дом этот церковный и поэтому сообразил, что Шаламов имеет какое-либо отношение к вологодскому духовенству. На следующий же день от ряда партийных тов. я установил, что Шаламов, наш студент, является сыном соборного дьякона, который во время изъятия церковных ценностей выступал в качестве ярого противника указанного мероприятия Советской власти. Студент Шаламов В. связь с родителями не порвал. Если же и работал где-либо на заводе в качестве рабочего, то это было ни больше, ни меньше, как прием временной социальной перекраски, рассчитанной на поступление в ВУЗ. Я считаю, что таким “рабочим”, как Шаламов, не только не следует давать стипендии и общежития, но и не место в Университете, особенно на факультете Советского Права. Есть более достойные люди, которые из-за таких находятся в ожидании поступления учиться. Надеюсь на принятие соответствующих мер по изложенному мною в настоящем Заявлении»¹⁷⁶.

---

¹⁷⁶ Архив МГУ. Ф. 1, оп. 14 л, ед. хр. 1538/1926, л. 19. Изложенные факты подтвердил, заверив своей подписью, уже упомянутый студент Ф. Писконкель.

Примечательно, что одним из показателей исправления чуждых новой власти элементов является отказ от родителей. Шаламов, в глазах Коробова и партийной ячейки, «не разоблачился» перед обществом, потому что не порвал с родителями. Этот метод будет широко применяться в 1930-е гг., когда дети «врагов народа» должны будут публично отречься от своих отцов и матерей.

Следует вернуться к письму Коробова, чтобы понять, что в отличие от Шаламова, чьи поступки были связаны с обретением самостоятельности, с настойчивым желанием учиться и работать и посредством образования ответить себе на вопросы, которые задавала действительность, его *vis-à-vis* был склонен совсем к другой мимикрии, отдающей крайней нечистоплотностью. Как указывалось в несохранившейся открытке и в самом письме, у Коробова к Антону было два дела. Первое – общественное, «шаламовское». Второе – чисто личного, школьного свойства:

...Видишь-ли, Антон, жена моя подала заявление в Покровский рабфак о приеме-переводе с вологодского рабфака. Вологодский рабфак ходатайствует об этом и прислал туда все документы на ее. Как полагается, формализм и горячка во время приемного периода существуют во всех учебных заведениях в той или иной степени. Мне самому хочется здесь пожить подольше (больше заработать и отдохнуть) и не хочется ехать в Москву за тем, чтобы устраивать жену, как это делается обыкновенно. Личное присутствие, правда, всегда имеет большое преимущество перед бумажным, но мне, кажется, можно бы этого избежать. Тебя же я хочу просить вот о чем. Во-первых, узнать в рабфаке поступило ли это дело, в какой стадии находится, какова точка зрения на этот вопрос у решающих судьбы или близко к этому делу стоящих (мало ли что бывает в период отпусков). Не плохо бы было, если бы пару-другую слов ляпнул студенческому представителю в президиум рабфака в смысле положительного разрешения вопроса. Как я не подумаю, но, очевидно, учеба моя в нынешний год бу-

дет решаться решением этого вопроса. Мелочно и обидно, казалось, бы, но ведь одной перспективой на мировую революцию жив не будешь¹⁷⁷.

Странное чувство к молодой жене... Желания работать и отдохнуть переплетены с каким-то небрежным отношением к любимой. Вероятно, партийная карьера и московские связи были гораздо важнее, чем никак не удававшийся переезд супруги в Москву. Молодой прагматик-Коробов живет не стремлениями, идеями, целями и иллюзиями своих героически и романтически настроенных однокашников. Приведенный фрагмент подтверждает точность поздних воспоминаний Шаламова, остроту его памяти, сохранившей атмосферу молодежных разговоров и споров, в котором одной из главных тем была грядущая мировая революция. Но рядом с этими кругами сложилось уже огромное «болото», представители которого также были в курсе тем дискуссий своих товарищей¹⁷⁸. В коробовском «мелочно и обидно» сквозит разочарование в провозглашаемых идеях, звучавших из уст Троцкого и его сторонников. Но в них также видна усталость от назойливых, но пустых слов, за которыми не следовало дела. Мировой революционный пожар помимо всего прочего натолкнулся на холодную стену усталости от бесконечных и опасных потрясений, начавшихся еще в 1914 г. Подобно германцам Ариовиста, не привыкшим к долгим перемещениям и лишениям и четырнадцать лет не видевшим над головой ничего, кроме звездного неба, романтики революционной поры те же четырнадцать лет устремляли свой взор

---

¹⁷⁷ Там же. Л. 26.

¹⁷⁸ Ср.: За группой сочувствующих [оппозиции – С.А.] шла значительная группа нейтральных или безразличных, которую обе стороны называли болотом. Безучастно относясь к внутрипартийной борьбе, эти люди обычно ворчали:

– Не мешайте нам работать и учиться. Верхи без нас заварили кашу, без нас и расхлебают (Павлов И.М. 2001. 62).

в такое же самое звездное, но уже умозрительное небо с его бесконечными далями, готовя себя к его штурму с надеждой на бесконечность лучшего будущего¹⁷⁹. Но под реальным небом живут не только мятущиеся идеалисты. И если проза Шаламова – это памятник 1920-м как времени несбывшихся надежд, то письмо Коробова – взгляд в 1930-е, где такие люди, как автор письма, будут чрезвычайно востребованными. Перефразируя А.А. Ахматову, можно сказать, что тогда та Россия, которая будет сидеть, впервые встретилась с той, которая будет сажать... «и всякие произойдут от этой встречи неприятные последствия».

Последствия эти не замедлили сказаться, но не в конце 1950-х, когда Ахматова высказала свою мысль, а уже в конце 1920-х. На факультете советского права уже сложилась группа борьбы за чистоту рядов. Антон, корреспондент Коробова, находящийся летом 1927 г. в Москве, обратился в стипендиальную комиссию Университета, которая 4 августа сделала запрос в Вологду с просьбой выяснить социальное происхождение Шаламова. Ответ датирован 17 сентября. Вологодский губернский исполнительный комитет Совета рабоче-крестьянских депутатов извещал, что «по справке наведенной милицией оказалось, что гр. Шаламов Варлам Тихонович сын священника, родители его (60 лет)¹⁸⁰ никакого имущества не имеют, отец, в виду потери зрения нигде не служит и никаких побочных заработков не имеет»¹⁸¹. Таким образом, Шаламов, указывая в анкетах, что его отец был инвалидом по зрению, писал сущую

---

¹⁷⁹ Как долго образ звездного неба будет занимать умы отечественных писателей... Можно вспомнить, например, В.П. Аксенова и его роман «Звездный билет», написанный в 1961 г., где из окон старой «Барселоны» герою виден небольшой прямоугольник неба, «пробитый звездным компостером».

¹⁸⁰ На момент запроса отцу В.Т. Шаламова, Тихону Николаевичу, было 59, а матери Надежде Александровне – 57 лет.

¹⁸¹ Архив МГУ. Ф. 1, оп. 14 л, ед. хр. 1538/1926, л. 20^а.

правду. Но тем, с кем он столкнулся, была нужда другая, своя правда. Извещение из Вологды, очевидно, пришло в Москву до 24 сентября, став, таким образом, официальным основанием обращения Коробова в партийные органы Университета. Тогда почта работала хорошо...

Несмотря на то, что маховик преследований раскачивался все сильнее, Шаламов, который к осени 1927 г. уже сошелся со сторонниками большевиком-ленинцев, которых назовут «левой троцкистской оппозицией», продолжал проявлять в своем поведении чисто юношескую неосторожность, благодаря которой *материалы дела из Архива МГУ являются самым ранним на сегодняшний момент документальным свидетельством общественной деятельности Шаламова*, связанной с распространением так называемого «завещания Ленина». Не зная на то, что уже 28 января 1928 г. профком ходатайствовал перед губотделом профсоюза советских служащих об отчислении Шаламова из вуза с передачей дела на рассмотрение правления Университета¹⁸², сам молодой оппозиционер продолжал рассматривать общежитие, где он жил в одной комнате с Антоном Шпекторовым, как удобное место встреч со своими товарищами по оппозиции. Памятником этому является уже упомянутое выше заявление, составленное соседями Шаламова по комнате во главе с тем же Шпекторовым 11 февраля 1928 г. Оно стало окончательным поводом к тому, чтобы факультет избавился от студента, к тому времени проявившего себя активным сторонником «левой оппозиции», прежде всего, тем, что участвовал в знаменитой демонстрации 7 ноября 1927 г., посвященной десятилетию Октября. Текст этого документа стоит того, чтобы привести его целиком.

В комнате № 7^г вместе в вышеуказанными т. т., проживает студент 2го курса Судебного отделения Ф-та Сов. права Шаламов В.Г. которым постоянно произво-

---

¹⁸² Там же. Л. 21^л.

дится нарушение всяких правил общежития и в частности нашей комнаты. К числу таковых нарушений нужно отнести:

1. По вине Шаламова, во время зимних каникул, была обворована наша комната его другом и приятелем Прозоровым, которого он привел переночевать. В результате последний прожил около 3^х месяцев. Когда мы с первых-же дней стали возражать и довели до сведения коменданта – Шаламов защищал Прозорова всей, поповской честью. Обложив матом каждого из нас, – говорил, что Прозоров его – хороший друг и что он за его благонадежность ручается. В результате Прозоров обворовал нашу комнату, о чем с повинной, сознался Шаламову через оставленное письмо. Когда мы после поправки стали говорить Шаламову о поступке Прозорова он заявил «Хотя я за него и ручался, но не отвечаю».

2. Почти каждый день Шаламов бывает активным участником “компаний” в комнатах 9 и 10 куда собираются (к девушкам) его друзья по “станку” как он их рекомендует. Напившись как сапожники, криком, стуком, танцами и пением каких-то “гимнов” «Деньги – деньги. Все за деньги»¹⁸³. Под гитарный перезвон не дают нам ни заниматься, ни спать до 3-4 часов ночи. После всего этого, заводит своих, пьяных, друзей к нам в комнату. Натаскает грязных матрацев на стол и под стол – укладывает их спать.

3. Такая-же самая история случается и днем. Когда мы уходим Шаламов заводит своих друзей в комнату и превращает ее в трактир-хлев как это имело место 10го/II с/г (вызыв. коменд.) Напившись до изнеможения он их укладывает спать на кровати. Сам-же зача-

---

¹⁸³ Вероятно, имеется в виду один из многочисленных вариантов знаменитого салонного цыганского романа «Соколовский хор», где есть и такие слова: «Всюду деньги, деньги, деньги/ Всюду деньги, господа...». На основе этого текста появлялись и самостоятельные произведения. Кавычки в документе не дописаны.

стую уходит, оставляя их одних. Так что мы приходим, а здесь обитают неведомые личности и в их полном распоряжении комната.

4. Встречая почти каждый день такие факты, когда мы начинаем говорить об этом Шаламову. Он предпочитает своим долгом выругать каждого из нас своим вульгарным красноречием в перемешку с матом и заявляет – «Плевать я на вас хочу» (с батиной колокольни) и далее переходит опять утверждать – «Это мои друзья по “станку”». Я за них ручаюсь

5. Из-за такого поведения Шаламова наша комната имеет небрежный вид во всех отношениях. Невозможно никак установить чистоту и опрятность. А поэтому на основании вышеизложенного просим тройку содействия и коменданта принять меры к выселению Шаламова из нашей комнаты и общежития – избавить нас от Шаламовщины¹⁸⁴.

11/П 28 г. к сему подписи Шпекторов, Залилов¹⁸⁵, Германов, Виноградов, Смирнов.

Все изложенное подтверждается со стороны тройки содействия¹⁸⁶.

Конечно, этот текст как любое нарочито предвзятое отражение действительности, особенно, если его рассматривать в контексте уже развернувшегося преследования Шаламова, написан с целью сформировать, в данном случае перед Правлением Университета, явно неприглядный образ. Матерщина и ежедневные попойки не только не были свойственны молодому вологжанину, выросшему в доме, где вовсе не употребляли спиртного. Выше уже говорилось об активной, наполненной жизни Варлама, в которой общежитие играло и роль места, где просто можно было спать, и роль дискуссионной пло-

---

¹⁸⁴ Это слово подчеркнуто двумя чертами.

¹⁸⁵ Залилов Муса Мустафаевич (Муса Джалиль) (1906 – 1944 гг.), татарский советский поэт, Герой Советского Союза (1956, посмертно).

¹⁸⁶ Эта фраза записана внизу листа простым карандашом.

щадки. Шаламов не пристраивал в Университет обременяющих быт жен, не участвовал в «тройках содействия», не выступал на партийных собраниях, а бывал прежде всего на литературных диспутах и в библиотеках. Даже из этого ангажированного во всех отношениях заявления видно, что Шаламов был не склонен разделять попойки (если таковые вообще имели место в действительности) даже своих «друзей по станку», оставляя их отсыпаться после бурной ночи, а сам уходил по своим делам. Здесь, как и почти во всех прочих документах дела (кроме, может быть, справки из Вологды и копий документов об образовании), даже в письме Коробова, основным нашим информантом является сам Шаламов.

Студенты, проживавшие с ним в общежитии, не были его друзьями, хотя его общение с Мусой Залиловым было вполне открытым, правда, когда дело касалось только стихов¹⁸⁷. Круг общения Варлама был иной, как в интеллектуальном, так и в социальном отношении. Это были люди, которые от обсуждения идеалов перешли к активному противодействию нарождавшейся сталинской деспотии. Однако Шаламов не чурался и общественной работы: в 1927 г. он стал сборщиком профсоюзных взносов, из чего видно, что сокурсники вполне доверяли ему¹⁸⁸.

Есть еще один аспект появления этого заявления-доноса товарищей Шаламова по общежитию. Как видно, начиная с письма Коробова, внутри факультета началось инициированное им и Шпекторовым следствие по «делу Шаламова». Приятели действовали последовательно и методично, что явствует из следующих слов письма: «Только до-поры до-времени, чтобы это не было всеобщим разговором среди ребят знающих Шаламова, пока не уместно и не удобно»¹⁸⁹. Далее совершенно логично

---

¹⁸⁷ См.: *Шаламов В.Т.* 2013. Т. 4. С. 398; *Шаламов В.Т.* 1974. 78; *Есинов В.В.* Шаламов и Джалиль (URL: <http://shalamov.ru/library/26/8.html>); 22. 01. 2014).

¹⁸⁸ Архив МГУ. Ф. 1, оп. 14 л, ед. хр. 1538/1926, л. 12^{об}, 17^л.

¹⁸⁹ Там же. Л. 26.

последовал запрос стипендиальной комиссии 1-го МГУ в Вологду, инициированный по всей видимости Шпекторовым. Затем, после его получения 17 сентября¹⁹⁰, появилось заявление Коробова в партийную ячейку Университета, датированное 24 сентября¹⁹¹. А вот далее логика нарушается. Казалось бы, следующим убийственным для Шаламова ходом двух друзей должно было стать заявление от соседей по общежитию. Однако сначала в деле появилась выписка из протокола заседания профсоюза от 28 января 1928 г.¹⁹², на основании которой вопрос об отчислении Шаламова из Университета был передан на правление вуза, которое состоялось 13 февраля того же года¹⁹³. Следовательно, точка невозврата была уже пройдена и для отчисления Шаламова вполне хватало уже установленного и подкрепленного факта его пролетарского происхождения. Однако Шпекторову этого показалось мало. И он инициирует сбор подписей под заявлением, появившемся 11 февраля¹⁹⁴ (то есть всего лишь за два дня до заседания правления), в котором появляются намеки на политическую неблагонадежность Шаламова. Тем самым Шпекторов собирался, что называется, «утопить» своего соседа-поповича, проявив при этом пролетарскую бдительность. Таким образом, становится понятным не только нарочито уничижительный и обличающий тон заявления, но и явная ненужность последнего, если бы речь шла просто об отчислении Шаламова из Университета. Здесь проявляется борьба мелкого испуганного политическими событиями приспособленчества и угодничества с Шаламовским «правом дышать»¹⁹⁵.

---

¹⁹⁰ Там же. Л. 20^л.

¹⁹¹ Там же. Л. 19^л.

¹⁹² Там же. Л. 21^л.

¹⁹³ Там же. Л. 22^л.

¹⁹⁴ Там же. Л. 18.

¹⁹⁵ Ср.: Наш спор – о свободе / О праве дышать... (*Шаламов В.Т.* 2013. Т. 3. 184).

В контексте этого противостояния интересны отдельные факты из биографии Шпекторова, установленные по материалам его личного дела из Архива МГУ (Ф. 1, оп. 14 л, ед. хр. 1706/1927). Он родился 1 марта 1904 г. в деревне Новые Красники Рославльского уезда Смоленской губернии в бедной крестьянской семье, имевшей одиннадцать душ детей. Из-за сильного повреждения шейного отдела позвоночника он был признан непригодным к службе в Красной армии и в отличие от Лазаря Шапиро, родившегося годом ранее, не воевал на фронтах Гражданской войны. Как и Шаламов, Шпекторов работал на заводе (на стекольном, в 1923 – 1926 гг.) в родном уезде. Рабочим он, правда, не был и не стремился им стать: будучи грамотным (закончил педтехникум), сначала работал при заводе учителем, параллельно подвизаясь в агитотделе, потом руководя заводской политшколой. Он продвигался по общественной и партийной линии, дойдя до должности председателя волостного комитета ВЛКСМ. В 1926 г. Шпекторов вступил в партию¹⁹⁶. После окончания Университета, в 1931 г. на него пришла заявка из издательства «Советское законодательство», расположенного в здании ЦИК СССР¹⁹⁷. Восхождение молодого комсомольского функционера, вырвавшегося из деревни и проявившего партийную сознательность, итогом чего стало изгнание его соседа по комнате Шаламова из Университета, завершилось получением им

---

¹⁹⁶ Интересно сравнить рабочую биографию возможного однокашника А.И. Шпекторова и В.Т. Шаламова – И.М. Павлова, по воспоминаниям которого выбор им рабочей специальности, вступление в комсомол, а в дальнейшем и в партию, были обусловлены ростом политической сознательности, тягой получить образование, стремлением разобраться в перипетиях внутрипартийной борьбы и, наконец, определиться со своей позицией в противостоянии между сторонниками Сталина и Троцкого (см.: *Павлов И.М.* 2001. 17–52).

¹⁹⁷ В адресе этого учреждения указано только: Красная площадь, помещение 28.

достойного места в редакции правовой литературы указанного издательства.

Целеустремленность Шпекторова показала себя в его мимикрии, в умении ловить ветер перемен, воспользовавшись тем, что дала революция, к идеалам которой, если вспомнить слова из письма Коробова, в кругу его общения относились весьма иронически. Если Шаламову измениться не удалось в силу полученного воспитания и высокой заложенной в нем нравственности, то в случае со Шпекторовым высокая приспособляемость вполне очевидна. Дело только в том, какая цена заплачена одним и другим. При этом нужно помнить отношение Варлама к крестьянству, из которого вышел его сосед по комнате, мистифицированному как плоть и кровь земли русской. В «Четвертой Вологде», где Шаламов рассказал о днях своего детства, встречается и такой отзыв:

Одно из самых омерзительных моих воспоминаний – это посещение нашей квартиры крестьянами из ближних да и из дальних деревень. Новые хозяева мира¹⁹⁸ хлопали грязными валенками, толкались, шумели в наших комнатах, уносили наши зеркала. Вся мебель исчезла после их визитов... Вот тогда я хорошо запомнил, что такое крестьянство – вся его стяжательская душа была обнажена до дна, без всякого стеснения и маскировки»¹⁹⁹.

Можно только догадываться, как Шаламов относился к Шпекторову. Однако крестьянское стяжательство, которому новая власть предоставила более широкие горизонты действия, нежели только право грабить награбленное и воплощенное в данном случае в скромном скарбе, нажитом вологодским священником, нашло

---

¹⁹⁸ Нельзя еще раз не отметить, что В.В. Стратонов назовет новых студентов, пришедших в Университет после революции его «новыми хозяевами».

¹⁹⁹ *Шаламов В.Т.* 2013. Т. 4. 129-130.

свое приложение и в том, чтобы с искренним и не меньшим рвением не дать доучиться его сыну.

Варлам в порыве противостояния с соседями по общежитию, в том числе и со Шпекторовым, недовольными визитами к нему различных людей, которые, к сожалению, не отличались благоразумным поведением, проговорился, что они являются его «друзьями по станку»²⁰⁰. Вновь это слово, «станок», но с другим эпитетом, отмечает путь, пройденный Шаламовым за четыре года от неудавшегося рабочего (от «рабочего станка») до принципиального оппозиционера (до «печатного станка» на Сретенке, 26²⁰¹). Кстати, еще в 1927 г. Варлам вернулся в издательский цех, в который он вступил еще в Вологде, став сотрудником Бюро печати 1-го МГУ²⁰². Может быть, этот факт как-то связан с тем, что сторонники антисталинской оппозиции из числа студентов привлекли его к набору и распространению текста «завещания Ленина» в устроенной ими нелегальной типографии под университетским прикрытием?

Общежитие Университета использовалось, как видно, в том числе для встреч молодых оппозиционеров. Лучшего места было сложно придумать. По свидетельству самого Шаламова, там, где шла шумная и веселая жизнь, говорили о многом: легко среди разговоров о житейских пустяках, занятиях, стипендиях и о текущих культурных событиях было обсудить и события политические. За этим стояло, конечно, легкомыслие юношей, пропустивших время, когда и у стен начали «расти уши». Но оно, как и выражение своих гражданских взглядов, стало уже весьма опасным в те годы.

---

²⁰⁰ Архив МГУ. Ф. 1, оп. 14 л, ед. хр. 1538/1926, л. 18^{об}.

²⁰¹ Там находилась одна из подпольных типографий троцкистов, где В.Т. Шаламов и его товарищи были арестованы, попав в засаду, устроенную сотрудниками ОГПУ. См. также: *Роговин В.З.* 1992. Т.1; *Старков Б.А.* 1999. 193-201.

²⁰² Архив МГУ. Ф. 1, оп. 14 л, ед. хр. 1538/1926, л. 12^{об}.

Очевидно, что инициатору заявления соседей Варлама по общежитию было известно о проверке социального происхождения Шаламова, инспирированной Коробовым. Именно это позволяет утверждать, что Антон из письма Коробова – это именно Шпекторов²⁰³. В этом тексте сообщается фамилия одного из «друзей по станку», которого Варлам защищал «поповской честью» – Прозоров²⁰⁴. К тому же указано, что Шаламов плевал на замечания сокурсников о нарушении правил совместного проживания с «бабиной колокольни». Примечательны словосочетание «вульгарное красноречие» (явно неумело и с нарушением лексической связи составленное выражение), которым Шаламов ругал соседей-студентов, а также слово «шаламовщина», в котором проглядывает ярлык, становившихся все более популярными разоблачительно-обвинительных кампаний против писателей, ученых, политических деятелей. Оппозиционная настроенность и ее активное выражение Шаламовым, а также доносы-заявления его соседей привели к исключению будущего автора «Колымских рассказов» из 1-го МГУ²⁰⁵.

Формально Шаламов был отчислен из Университета 13 февраля 1928 г.²⁰⁶ Однако он не сразу порвал с ним. По крайней мере, до середины марта 1928 г. Шаламов регулярно появлялся в его стенах и, возможно, даже продолжал частично посещать занятия, правда, отдавая большее предпочтение чтению книг в библиотеках кабинетов. Однако член правления Университета по студенческим

---

²⁰³ Обращение к последнему с просьбой выяснить факты биографии В.Т. Шаламова, таким образом, не было случайностью, поскольку М.А. Коробов, наверняка, знал о том, что В.Т. Шаламов и А.И. Шпекторов являются соседями по комнате.

²⁰⁴ Личность не установлена.

²⁰⁵ Там же. Л. 21-24.

²⁰⁶ Там же. Л. 22^н. Видимо, до этой даты на обложке дела в левом верхнем углу появилась виза, сделанная наискось красными чернилами: Ш [третий – С.А.] сын соборного дьякона в гор. Вологде. То, что о. Тихон был не диаконом, а священником, еще раз подтверждает неосведомленность Коробова.

делам Седов был человеком бдительным²⁰⁷ и 16 февраля 1928 г. обратился в деканат факультета советского права со служебной запиской следующего содержания: «Есть сведения, что исключенный Шаламов посещает занятия, примите меры к фактическому недопуску на занятия»²⁰⁸. На что внизу дан ответ: «По докладу курсорга т. Надеждина т. Шаламов семинар. занятий не посе-

---

²⁰⁷ Тот же М.А. Седов участвовал в отчислении из Университета Г. М. Мильмана (Архив МГУ. Ф. 1, оп. 14 л., ед. хр. 901/1925).

Так, В.Т. Шаламов попал в список отчисленных из Университета. Интересно, как спустя много лет, в начале 1970-х гг., В.Т. Шаламов, исключенный в 1951 г. подполковником Фрагиным из списков освобожденных и предназначенных для переправки на «материк», напишет о том, что такое бдительность. Ср.:

...я остался на зиму 1951–1952 года в больнице фельдшером приемного покоя в статусе «находящегося в пути». Весной меня куда-то не отправили, и начальник больницы дал мне слово отправить осенью. Но и осенью куда-то не отправил. <...>

– Ты уже был в списках, еще с осени, уже машину собирали. И ты бы уехал, если бы не подполковник Фрагин. Он посмотрел твои документы и понял, кто ты такой. «Кадровый троцкист и враг народа» – так сказано в твоих документах. Правда, это колымский меморандум, а не московский. Но ведь из воздуха меморандума не составляют. У Фрагина столичная школа, он сразу понял, что тут надо проявить бдительность, и в результате – только польза.

– Спасибо, что вы мне сказали, доктор Шафран. Запишу в свой поминальник подполковника Фрагина.

– Культура обслуживания, – весело орал Шафран. – Если бы списки готовил какой-нибудь младший лейтенант, а Фрагин – он ведь генерал. Генеральская бдительность.

– Или генеральская трусость.

– Но ведь бдительность и трусость почти одно и то же в наши дни. Да и не в наши, пожалуй, – сказал молодой врач, получивший образование психиатра (Шаламов В.Т. 2013. Т. 2. С. 370).

²⁰⁸ Архив МГУ. Ф. 1, оп. 14 л, ед. хр. 1538/1926, л. 25^л.

щает; бывает только в читальнях кабинетов»²⁰⁹. Эта последняя запись в личном деле Шаламова из Архива МГУ датируется 16 марта 1928 г.²¹⁰. До первого ареста и, как признавался сам писатель в «Вишере», до «начала его общественной жизни», до 19 февраля 1929 г., оставалось 11 месяцев и 3 дня. Прелюдия к вишерскому прологу колымской драмы была пройдена.

В деле имеются многочисленные подчеркивания, сделанные красным и синим карандашом, вероятно, позднее. С документами кто-то работал, собирая сведения о Шаламове. Судя по этим пометам, того, кто их делал, интересовали два вопроса – происхождение Шаламова и его участие в оппозиции. Очевидно, что материалы просматривал либо кто-то из университетского правления, например, тот же Седов, готовя данные к заседанию, либо следователь ОГПУ. Однако в следственное дело, открытое на Шаламова в 1929 г., ни одного документа изъято не было; работники органов также не упомянули обстоятельств, раскрывшихся в Университете. На допросе в ОГПУ Шаламов уже без утайки сообщил, что его отец до революции носил священнический сан²¹¹.

Примечательно, как власти отреагировали на деятельность оппозиционеров (участие в демонстрации 7 ноября 1927 г. и распространение «завещания Ленина»), в большом числе обнаружившихся в московских вузах, прежде всего, в 1-м МГУ и в Московском высшем техническом училище (ныне – Московский государственный

---

²⁰⁹ Там же. Так, еще в год поступления В. Т. Шаламова в Университет на факультете советского права был организован кабинет истории ВКП(б) и ленинизма. Его книжное собрание должно было послужить базой для академических занятий по соответствующему предмету, для работы партийных и комсомольских профкружков (ОСДМУ за 1925–1926 год. М., 1927. 301-302).

²¹⁰ Архив МГУ. Ф. 1, оп. 14 л, ед. хр. 1538/1926, л. 25^л.

²¹¹ Следственное дело 1929 года // *Шаламов В.Т.* 2004. 949.

технический университет имени Н. Э. Баумана)²¹². На Пленуме ЦК ВКП (б), проходившем 4–12 июля 1928 г., было принято решение о направлении в вузы «не менее 1 тысячи коммунистов, прошедших серьезную школу партийной, советской или профессиональной работы». Осенью 1928 г. в 1-й МГУ была принята первая небольшая группа так называемых «парттысячников». В 1929 г. в счет второй парттысячи поступило еще шестьдесят человек и в счет профтысячи – пятьдесят пять. Примечательно, что многие «тысячники», как и их более старшие товарищи из числа рабоче-крестьянского студенчества рубежа 1910–1920-х гг., не имели необходимой подготовки в объеме средней школы, и им приходилось доучиваться ускоренными темпами в особых группах²¹³. В начале нового 1928/1929 учебного года в Университете было отменено преподавание курсов политической экономики, истории революционного движения, истории ВКП (б). В качестве обязательного был оставлен только курс исторического материализма²¹⁴.

Важным направлением дальнейшей архивной работы видится изучение документальных материалов, раскрывающих биографии товарищей Варлама «по станку», и на основе их данных подтверждение связи между ним и молодыми оппозиционерами. Вместе с Шаламовым в Университете учились и были активными участниками «левой оппозиции» уже упоминавшиеся выше Гдалий Мильман²¹⁵ и Сарра Гезенцвей²¹⁶. С по-

---

²¹² Согласно «Запискам» И. М. Павлова, в начале осени 1927 г. именно в МВТУ собралось наиболее многочисленное (более трех тысяч человек) собрание оппозиционеров (*Павлов И.М.* 2001. 83-84).

²¹³ *Бутягин А.С., Салтанов Ю.А.* 1957. 135-136.

²¹⁴ ЦМАМ. Ф. 1609, оп. 1, ед. хр. 1235.

²¹⁵ Личное дело Г.М. Мильмана в Архиве МГУ (Архив МГУ. Ф. 1, оп. 14 л., ед. хр. 901/1925).

²¹⁶ Личное дело С.М. Гезенцвей в Архиве МГУ (Архив МГУ. Ф. 1, оп. 14 л., ед. хр. 272/1925).

следней Шаламов был близко знаком: именно она привела его в ряды оппозиционеров и, как он сам, будущих жертв сталинских репрессий. Среди которых были Н.А. Адольф²¹⁷, Н.А. Арефьева²¹⁸, А.С. Введенский, Б.Э. Казарновская²¹⁹, С.А. Кливанский, А.М. Коган²²⁰, Е.Л. Кронман²²¹, М.С. Куриц, Д.А. Лебит²²², Н. Никольская, С. Попов, Г.И. Сарматская (Сармацкая), М.Л. Сегал, Н.А. Слепнев²²³, А. Смирнов и другие²²⁴.

---

²¹⁷ Личное дело Н.А. Адольф в Архиве МГУ (Архив МГУ. Ф. 1, оп. 14 л., ед. хр. 13/1925).

²¹⁸ Личное дело Н.А. Арефьевой в Архиве МГУ (Архив МГУ. Ф. 1, оп. 14 л., ед. хр. 101/1923).

²¹⁹ Личное дело Б.Э. Казарновской в Архиве МГУ (Архив МГУ. Ф. 1, оп. 14 л., ед. хр. 828/1923).

²²⁰ Личное дело А.М. Когана в Архиве МГУ (Архив МГУ. Ф. 1, оп. 14 л., ед. хр. 1637/1922).

²²¹ Личное дело Е.Л. Кронмана в Архиве МГУ (Архив МГУ. Ф. 1, оп. 14 л., ед. хр. 699/1925).

²²² Личное дело Д.А. Лебита в Архиве МГУ (Архив МГУ. Ф. 1, оп. 14 л., ед. хр. 774/1925).

²²³ Личное дело Н.А. Слепнева в Архиве МГУ (Архив МГУ. Ф. 1, оп. 14 л., ед. хр. 1249/1926).

Н.А. Слепнева будут отчислять из Университета вместе с В.Т. Шаламовым в один и тот же день, что зафиксировано в выписке из протокола заседания правления 1-го МГУ от 13 февраля 1928 г., но не отчислят по причине его рабочего происхождения: «Слушали: Докладную записку члена Правления по студ. делам М.А. Седова о нарушении установленных по студ. общежитиям правил внутреннего распорядка со стороны студентов: фак. СовПрава: – 1) Слепнева Николая, 2) Шаламова Варлаама, 3) Величко Владимира. Постановили: 1. Принять в отношении указанных нарушителей в Черкасском студ. общежитии след. меры воздействия: а) Учитывая социальное положение студ. Слепнева, как рабочего, а также хорошие отзывы о нем со стороны студентов, ограничиться объявлением Слепневу строгого выговора с предупреждением об исключении из Университета, в случае повторения подобных поступков. б) Дело студ. Величко, принявшем участие в скандале, как члена ВЛКСМ, направить в ячейку ВЛКСМ.

Большинство из них учились на факультете советского права, а также на этнологическом и физико-математическом факультетах. Как видно, математики со времен «дела Кассо» и разгрома Университета в 1922 г. продолжали высоко держать знамя борьбы с разрушением основ просвещения и гуманистической культуры²²⁵.

Список сокращений

АКВ – Академия Коммунистического Воспитания.

ВКП (б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков).

ВЛКСМ – Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи.

ВУЗ – Высшее учебное заведение.

ВЦИК – Всероссийский (Всесоюзный – с 1922) Центральный исполнительный комитет.

Главпрофобр – Главное управление профессионального образования (1921–1930).

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

ГУЛАГ – Главное управление лагерей.

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения.

КВЧ – Культурно-воспитательная часть.

КГБ – Комитет государственной безопасности.

в) Студ. Шаламова (фамилия подчеркнута красным карандашом – *С.А.*) за сокрытие им в момент поступления в Ун-т своего социального происхождения, а также за участие в скандале «исключить из Университета» (Архив МГУ. Ф. 1, оп. 14 л, ед. хр. 1538/1926, л. 22^в).

²²⁴ В воспоминаниях И.М. Павлова, если только они, безусловно, не являются подделкой, упоминаются фамилии таких деятелей «левой оппозиции» в 1-м МГУ, как Аганесов, Мелнайс, Жуков, Тутихин, Викторов, О.Д. Сосновская-Гержеван, Воробьев, Слетинский.

²²⁵ Отдельно следует проверить данные «Записок» И.М. Павлова, в которых раскрываются отдельные перипетии деятельности оппозиции в Университете и перечисляются фамилии активных ее деятелей среди студентов (*Павлов И.М.* 2001. С. 58-100).

ЛЕФ – Левый фронт искусств.
МГУ – Московский государственный университет.
М.У.И.К. – Московский уездный исполнительный комитет.
НКП – Народный комиссариат просвещения.
НКТ – Народный комиссариат торговли.
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление.
ОЗ – Отечественные записки.
ОПОЯЗ – Общество изучения поэтического языка.
ОСДИМУ – Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета.
ОСДМУ – Отчет о состоянии и действиях Московского университета.
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи.
ПермГАНИ – Пермском государственном архиве новейшей истории.
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.
РКК – Рабоче-крестьянский контроль.
РОНО – Районный отдел народного образования.
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.
СЖ – Социологический журнал.
СИ – Социологические исследования.
СНК – Совет народных комиссаров.
СССР – Союз Советских Социалистических Республик.
СУ РСФСР – Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР.
СУ СССР – Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства СССР.
УЗ – Ученые записки.
УИС – Уголовно-исполнительная система.
ФОН – Факультет общественных наук.
ФСБ – Федеральная служба безопасности.
ШС – Шаламовский сборник.
ЦА ФСБ – Центральный архив Федеральной службы безопасности.
ЦИАМ – Центральный исторический архив Москвы.
ЦМАМ – Центральный муниципальный архив Москвы.
GESLL – Graduate Essays on Slavic Languages and Literatures.
НА – Hoover Archives.

Литература

Архивные источники

- Архив МГУ. Ф. 1, оп. 14 л., ед. хр. 1538/1926.
Архив МГУ. Ф. 1, оп. 14 л., ед. хр. 901/1925.
Архив МГУ. Ф. 1, оп. 14 л., ед. хр. 272/1925.
Архив МГУ. Ф. 1, оп. 14 л., ед. хр. 642/1926.
ГАРФ. Ф. 102. Оп. 103, ед. хр. 42. Ч. 5, лит. «А». Л. 45.
ПермГАНИ. Ф. 641/1, оп. 1, д. 14947.
РГАЛИ. Ф. 2596.
ЦИАМ. Ф. 418. Журнал заседаний Совета Московского университета от 28 января 1911 г.
ЦМАМ. Ф. 1609.

Опубликованные документы

- Декреты Советской власти. М., 1957–1964. 3 т.
Декреты Советской власти. Т. 7. М., 1974.
Народное образование в СССР. Сборник документов. 1917–1973 гг. М., 1974.
О максимальном сроке пребывания студентов императорских университетов на факультете // ЖМНП. 1911. Ч. 34. С. 43–44.
ОСДИМУ за 1911 год. М., 1912.
ОСДМУ за 1917, 1918, 1919 год. М., 1920.
ОСДМУ за 1922 год. М., 1923.
ОСДМУ за 1925–1926 год. М., 1927.
ПСЗРИ Ш. Т. 25. СПб., 1908.
«Просьба избавить нас от Шаламовщины...». Дело студента Варлама Шаламова // Варлам Шаламов в контексте мировой литературы и советской истории / Сост., ред. С.М. Соловьёв. М., 2013. С. 345–381.
СУ РСФСР. 1917–1918. М., 1942.
СУ РСФСР. 1919. М., 1919.
СУ РСФСР. 1920. М., 1943.
СУ РСФСР. 1921. М., 1921.
СУ РСФСР. Отдел первый. М., 1922.
СУ СССР. 1924. М., 1925.
СУ СССР. 1925. М., 1926.
УЗ МГУ. Вып. 51. М., 1940.
Хрестоматия по истории советской школы и педагогики: учебное пособие / Ред. А.Н. Алексеев, Н.П. Щербов. М., 1972.

Воспоминания и мемуары

Павлов И.М. 1920-е: революция и бюрократия. Записки оппозиционера. СПб., 2001.

Сиротинская И. П. Мой друг Варлам Шаламов. М., 2006.

Стратонов В.В. Потеря Московским университетом свободы (Воспоминания о забастовке 1922 г.) // Историко-астрономические исследования. Вып. XXIII: На рубежах познания Вселенной / Под ред. А.А.Гурштейна. М., 1992. С. 410-455.

Сочинения В.Т. Шаламова

Шаламов В. Т. В зеркале: рассказы и стихотворения; эссе и заметки. М., 2009.

Шаламов В. Т. Двадцатые годы
(URL: <http://shalamov.ru/library/30/>).

Шаламов В.Т. Картофель // Колхозник. 1935. № 9. С. 111.

Шаламов В.Т. Новая книга: воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела. М., 2004.

Шаламов В.Т. Собрание сочинений. М., 2013. 7 т.

Шаламов В.Т. Студент Муса Залилов // Юность. 1974. № 2. С. 78.

Литература

Аврус А.И. История российских университетов: очерки. М., 2001.

Амалиева Г.Г. «Сочувствую РКП (б), так как она дала мне возможность учиться в вузе...»: Социальная поддержка и контроль студентов Казанского университета в 1920-е годы // Советская социальная политика 1920-х –1930-х годов: идеология и повседневность / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М., 2007. С. 414-430.

Андреев Д.А. Советский студент первой половины 1920-х: особенности саморепрезентации // СЖ. 2007. № 2. С. 156–166.

Апанович Ф. Великий гнев – биография Варлама Шаламова в перспективе созданного автором мифа (URL: <http://shalamov.ru/research/148/>)

Берютти М. Варлам Шаламов: литература как документ // К столетию со дня рождения Варлама Шаламова. Материалы конференции. М., 2007. С. 199-208.

Бутягин А.С., Салтанов Ю.А. Университетское образование в СССР. М., 1957.

Бялик С. Сенсация с чердака // Премьер – новости за неделю. 2002. № 22 (248). 12. 06. 2002.

Викинг колымского ада (интервью В. Копыловой с И.П. Сиротинской) // Московский комсомолец. 18. 06. 2007. № 24492.

Волкова Е.В. Трагический парадокс Варлама Шаламова. М., 1998.

Гревс И.М. Временные правила 27 августа об управлении университетами и освобождение науки // Право. 1905. №36. 11 сент. С. 2933.

Есипов В.В. «Пусть мне “не поют” о народе...» (образ народа в прозе И. Бунина и В. Шаламова) // IV Международные Шаламовские чтения. Москва, 18–19 июня 1997 г.: Тезисы докладов и сообщений. М., 1997. С. 86–103.

Есипов В.В. Варлам Шаламов и его современники. Вологда, 2007.

Есипов В.В. Шаламов и Джалиль
(URL: <http://shalamov.ru/library/26/8.html>).

Иванов А.Е. Университеты России в 1905 г. // Исторические записки. Т. 88. М., 1971. С. 114-149.

Козлова Л.А. Комплектование Института красной профессуры. 1920-е годы // СЖ. 1997. № 4. С. 209-220.

Красножен Н.А. Общественная мысль России о реформе высшего образования в начале XX в. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2007.

Маркин В.Л. Студенты и преподаватели Московского университета в общественно-политической жизни России начала XX века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2009.

Международная научная конференция «Закон сопротивления распаду». Особенности прозы и поэзии Варлама Шаламова и их восприятие в начале XXI века. Прага, 2013.

Михайлик Е. В контексте литературы и истории // ШС / Сост. В. В. Есипов. Вологда, 1997. Вып. 2. С. 105-129.

Михайлик Е. Варлам Шаламов: рассказ «Ягоды». Пример деструктивной прозы // IV Международные Шаламовские чтения. Москва, 18–19 июня 1997 г.: Тезисы докладов и сообщений. М., 1997. С. 74-85.

Михайлик Е. Кот, бегущий между Солженицыным и Шаламовым // ШС / Сост. В.В. Есипов. Вологда, 2002. Вып. 3. С. 101-114.

Михайлик Е. Незамеченная революция // Антропология революции / Сост. и ред. И. Прохорова, А. Дмитриев, И. Кукулин, М. Майофис. М., 2009. С. 178-204.

- Михайлик Е.* Незамеченная революция // ШС / Сост. В.В. Есипов, С.М. Соловьев. М., 2011. Вып. 4. С. 115-142.
- Назарьева О.Е.* Научно-педагогическая и общественно-политическая деятельность профессора А.А. Мануйлова. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2009.
- Некрасова И.В.* Судьба и творчество Варлама Шаламова. Самара, 2003.
- Отечественные университеты в динамике золотого века русской культуры / Под ред. Е.В. Олесенюка. СПб., 2005.
- Петрова Т.Э.* Студенчество начала XX века как объект социолого-биографического анализа // СИ. 1999. № 3. С. 120-125.
- Роговин В.З.* Была ли альтернатива. Т. 1: «Троцкизм»: взгляд через годы. М., 1992.
- Рожков А.Ю.* Молодой человек в советской России 1920-х годов: повседневная жизнь в группах сверстников. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Краснодар, 2003.
- Рожков А.Ю.* Молодой человек и советская действительность 1920-х годов: формы повседневного протеста // Способы адаптации населения к новой социально-экономической ситуации в России. М., 1999. С. 128-143.
- Романов Ю.В.* Наука и власть: наследие Л.А. Кассо // Труды научной конференции студентов и аспирантов «Ломоносов-99». История. М., 1999. С. 76-80.
- Рыклин М.* «Проклятый орден». Шаламов, Солженицын и блатные // ОЗ. 2008. №2. С. 304-320.
- Сиротинская И.П.* Из истории рода // Лад. 1994. № 6. С. 3-9.
- Спасенкова И.В.* Религиозное образование в Вологде в 1920-е гг. // Свеча-99. Архангельск, 1999. Вып. 2. С. 287-290.
- Сперанский Н.* Конфликт г. Кассо с Московским университетом. М., 1911.
- Старков Б.А.* Роль органов государственной безопасности во внутрипартийной борьбе 1920–1930-х гг. // Исторические чтения на Лубянке 1999 г. Отечественные спецслужбы в 20–30-е годы. М., Великий Новгород, 1999. С. 193-201.
- Столыпин, Петр Аркадьевич. Энциклопедия (URL: www.stolypin.ru/encyclopedia).
- Токер Л.* Страх и толпа: пересмотр некоторых мотивов лагерной литературы // Семиотика страха / Сост. Н. Букс, Ф. Конт. М., 2005. С. 320-328.

Хоменко Е. В. Политико-правовое регулирование высшего образования в Советском государстве (октябрь 1917 – конец 1920-х годов). Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Нижний Новгород, 2006.

Шевырин С. А. Конструкторские бюро в ГУЛАГе // Гуманитарно-пенитенциарный вестник. Вып. 4: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции «Место УИС во взаимодействии власти и общества в России: история и современность (к 130-летию образования Главного тюремного управления). Рязань, 2009. С. 193-198.

Шрейдер Ю. А. Правда Солженицына и правда Шаламова // Время и мы. 1993. № 121. С. 204-217.

Юргенсон Л. Кожа – метафора текста в лагерной прозе Варлама Шаламова // Тело в русской культуре / Сост. Г. Кабакова, Ф. Конт. М., 2005. С. 340-344.

Яцук Т. Ф. Юридические журналы 1920-х годов как источник по истории советского правоведения // Вестник Омского университета. Омск, 1999. Вып. 1. С. 111-114.

Brewer M. The Representation of Space and Time in Camp Literature: “One Day in the Life of Ivan Denisovich” and Kolyma Tales // GESLL. 1995. №8. P. 92-100.

Golden N. Varlam Shalamov's Kolyma Tales a Formalist Analysis. Amsterdam, N. Y., 2004.

Mikhailik E. Potentialities of Intertextuality in the Short Story On Tick Varlam Shalamov: Problems of Cultural Context // Essays in Poetics. 2000. Vol. 25. P. 169-186.

Toker L. Testimony and Doubt: Shalamov's “How It Began” and “Handwriting”. // Real Stories: Imagined Realities: Fictionality and Non-fictionality in Literary Constructs and Historical Contexts / Ed. M. Lehtimäki, S. Leisti, M. Rytönen. Tampere, 2007. P. 51-67.